



Виктор Точинов

[НОВАЯ ЗОНА]
ВСЕ СОКРОВИЩА МИРА

Апокалипсис-СТ

Виктор Точинов

Новая Зона. Все сокровища мира

«АСТ»

2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Точинов В. П.

Новая Зона. Все сокровища мира / В. П. Точинов — «АСТ»,
2015 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-17-093423-2

Зона посещения накрыла Северную столицу. Внутри, за надежно охраняемым Периметром, людей не осталось – те, кто выжили, превратились в хищных мутантов. Зато остались всемирно известные музеи, и банковские хранилища, и жилища очень богатых людей... Сталкеры новой формации больше не считают достойной добычей традиционный хабар, ведь теперь ценой запредельного риска они могут заполучить **ВСЕ СОКРОВИЩА МИРА**. Сталкера по прозвищу Лорд мало интересуют сокровища, он охотится за мифическим Триггером, не догадываясь, что поисками легендарного артефакта занялись готовые на все конкуренты и началась охота за охотником...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-093423-2

© Точинов В. П., 2015
© АСТ, 2015

Содержание

Глава 1	6
1	6
2	9
3	13
4	15
5	17
Глава 2	19
1	19
2	21
3	26
Глава 3	28
1	28
2	32
3	35
Глава 4	37
1	37
2	39
3	40
4	42
Глава 5	46
1	46
2	49
3	52
4	54
Глава 6	56
1	56
2	59
3	61
4	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Виктор Павлович Точинов

Все сокровища мира

© Точинов В. П., 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Глава 1

В каморке Папы Карло, у камина

1

Мое запястье стягивал прочный браслет, а к нему крепилась цепочка, на вид тоненькая, почти декоративная, – но не порвать и вдесятером, а если же подступиться к ней с ножовкой по металлу, то лучше не мучиться и пилить сразу руку, пока зубья пилы не иступились о карбидвольфрамовый сплав.

Другой конец цепочки крепился к предмету, внешне напоминавшему чемодан. В действительности то был переносной сейф, а в сейфе лежало сокровище.

Люди в наше время начали забывать, как выглядят сокровища, – настоящие, реальные, осязаемые и зримые. Люди принимают за сокровища всевозможную ерунду. Например, последовательность электронных импульсов – заходят в интернет-кабинет банка, видят, что получили перевод с большим числом нулей, и считают, что обрели сокровище. Глупцы...

Сокровище в сейфе, прикованном к моему запястью, лежало настоящее. Его посчитал бы таковым даже одноногий пират Джон Сильвер, знавший в сокровищах толк. И все его многочисленные братья, бороздившие моря под черным флагом в погоне за сокровищами, – тоже посчитали бы.

– Лорд, подойди-ка... – Голос Шмайсера оборвал мои размышления о сокровищах и охотниках за ними.

Я выбрался из мягкого, на диво комфортного кресла, стоявшего у мраморного камина, напротив визора. Камин по причине майских теплых дней не топили, но мне доводилось бывать в гостиной Папы Карло и в холода, однако и тогда камин оставался никак не используемой деталью интерьера.

Подошел. Вместе с сокровищем, разумеется, я был прикован к нему, как каторжник давних времен к ядру.

Шмайсер сидел у круглого сервировочного столика, и перед ним лежала вскрытая коробка. Размерами она значительно, в разы, уступала сейфу, отягощавшему меня. И тем не менее содержимому сейфа предстояло вскоре стать платой за содержимое коробки, причем последним траншем, аванс был уже внесен.

Одноногий Джон Сильвер, без сомнения, счел бы такой обмен безумной расточительностью: то, что лежало в ячейках пенопластовой упаковки, сокровище напоминало мало.

В самой большой ячейке лежал неведомый прибор, напоминавший... хм... прибор неизвестного назначения, замаскированный создателями под полупрофессиональную видеокамеру. Но либо создатели подошли к делу маскировки небрежно, спустя рукава, либо вообще не имели желания наводить тень на плетень, и все получилось случайно, – но их детище принять за камеру можно было лишь издалека или в густых сумерках.

В ячейках поменьше лежали комплектующие, запчасти и аксессуары – в общем, все как полагается. В одну из малых ячеек тыкался сейчас палец Шмайсера. Владелец пальца поинтересовался у меня:

– Чего-то хиловата зарядка, а? Маленькая какая-то... Полгода заряжать будет... Как считаешь, Лорд?

Папа Карло никак в нашей беседе не участвовал. Более того, навязчиво демонстрировал свое полнейшее равнодушие к зарядному устройству и прочей ерунде: отошел в сторонку и делал вид, что любит висевшей на стене картиной. Мое дело, дескать, маленькое: доставить

заказанный товар от продавца к покупателю, а оплату – в обратном направлении, и получить за то свой оговоренный процент.

Я имел представление о характеристиках и сетевой зарядки, и ручной динамо-машинки, встроенной в рукоять, и знал обещанное производителем время полного заряда аккумуляторов с помощью каждого из этих устройств.

Но выдавать познания не время и не место. Вся мизансцена была придумана лишь для того, чтобы я замотивированно мог ознакомиться с покупкой.

– Поди пойми... – сказал я задумчиво. – Бывают и маленькие, но мощные. Куда она тут втыкается?

Ответ на этот вопрос я тоже знал. Знал и Шмайсер – от меня. Но, похоже, позабыл... Он вообще был туповат, а туповатые сталкеры долго не живут. Шмайсер, однако же, и жил, и здравствовал – в виде компенсации за тупость судьба наградила его редкостной удачливостью.

– Куда включается, куда включается... – бормотал он задумчиво.

Шмайсер подковырнул пальцем прибор и вытащил его из гнезда, вертел в руках, разглядывая. Теперь хорошо было видно, что пенопластовая упаковка кустарная: гнездо не отштамповано, а вырезано – хоть и очень аккуратно, но вручную, ножом. Ничего удивительного: прибор не просто малосерийный, а единственный и неповторимый, созданный по спецзаказу.

– Вона куда! – обрадовался Шмайсер, отыскав наконец разъем.

– Похоже на то, – согласился я. – Тогда вон то окошечко – индикатор заряда. Включи и посмотри, как быстро начнет заряжаться.

Ничего иного мы здесь проверить не могли... Ну, разве что отсутствие внешних повреждений. Проверять прибор надлежало в Зоне.

– Папа, а есть у тебя тут розетки? – спросил Шмайсер, поведив взглядом по сторонам. – Ни одной чего-то не вижу...

Папа Карло оторвался от своей картины, сделал несколько шагов, надавил на точку стеной панели, ничем от прочих не отличавшуюся. Откинулся длинный и узкий лючок, за ним оказались выстроившиеся в ряд электророзетки. Мелочь, но продуманная – в интерьер, безупречно выдержанный в стиле ампира, розетки никоим разом не вписывались.

– Крайняя левая на сто десять вольт, – сообщил Папа Карло. – Крайняя правая – наш старый ГОСТ, остальные евростандарт. Пробки мне тут не спалите, алхимики...

Папа Карло шутил, разумеется. Дом его – хоть гостиная и казалась целиком перетасченной из начала девятнадцатого века – был оборудован по самым современным стандартам, и УЗО не имело ничего общего с архаичными пробками.

– Ничего, «жучка» вставим, я умею, – откликнулся Шмайсер, шутку не понявший.

И немедленно попытался запихнуть вилку зарядного устройства в старую гостовскую розетку. Причем едва ведь не запихнул, силушкой – в отличие от чувства юмора – природа Шмайсера не обидела.

Он вообще никоим образом не соответствовал классическому типу сталкера, культивируемому масс-культурой: был ничуть не похож на узкоплечего хлюпика с лицом спившегося интеллигента, не раскатывал по Зоне на дрезине, бубня под нос стихи Арсения Тарковского, и не плодил детей-мутантов непонятной наружности.

А был Шмайсер статным, кровь с молоком, молодцом, стихов не знал в принципе, а уж какие дети вырастали из его сперматозоидов, я понятия не имел, да и сам Шмайсер, наверное, тоже.

Папа Карло успел спасти розетку от бесславного разрушения моим коллегой, и я смог оценить быстроту, с какой менялись цифры в индикаторном окошечке. Шмайсер тоже взглянул, но без интереса, исключительно отрабатывая роль.

– Ну как, фурычет? – равнодушно поинтересовался Папа Карло.

Нетерпения в его голосе не ощущалось. Процент от суммы сделки Папе полагался весьма жирный и позволял снисходительно относиться к любым прихотям клиентов.

– Ну-у... – задумчиво протянул Шмайсер и посмотрел на меня. – Поглядеть еще маленько надо...

Цифры в окошечке менялись быстро, производители не подвели. Но я пока не подал Шмайсеру незаметный условный знак: хотел, чтобы аккумулятор получил хотя бы минимальный заряд.

– Гляди, гляди... – не стал возражать Папа Карло и вновь отправился любоваться картиной, на сей раз другой.

Картины, кстати, у него висели примечательные. На каждую имелся сертификат – с фотографией полотна, с печатью, с подписью эксперта Минкультуры, все честь по чести. Документы заверяли: картины лишь копии, сделанные неизвестными живописцами девятнадцатого и двадцатого века, и музейной ценности не имеют... На деле все полотна были подлинниками, вынесенными из Зоны.

Я знал о том не понаслышке – сам доставил Папе два экспоната в коллекцию.

2

Наконец прибор был признан годным и вновь аккуратно запакован. Пришло время рассчитывать, и я избавился от обузы: и от сейфа, и от цепочки, и от браслета.

Уф-ф-ф... Как мало надо человеку, чтоб почувствовать себя легко, свободно и окрыленно. Достаточно поработать пару-тройку часов носильщиком тяжеленного сундука с сокровищами, а потом от него избавиться.

Над сейфом теперь колдовал Шмайсер, всю последовательность действий он успел заучить назубок и довел до автоматизма неоднократными тренировками.

А я вернулся в кресло и вновь уставился на экран визора, работавшего с приглушенным звуком.

Передавали международные новости, вновь про войну. Вторжение Конфедерации на Свободную территорию амишей продолжалось, и даже сводки до сих пор шли победные, но изменился масштаб побед: полностью зачищен поселок такой-то, восстановлен контроль над такой-то трассой... Похоже, рассекающий удар с выходом на канадскую границу провалился, и скоро у механизированных дивизий конфедератов начнутся проблемы с боеприпасами и горючим, а проблемы с диверсиями на растянутых коммуникациях уже начались...

Пока я смотрел на разрушенные дома и сожженные «Абрамсы», Шмайсер справился с хитрым кодовым замком и поднял крышку.

Но сделал полдела, причем его самую простую и легкую часть. Потому что под первой крышкой оказалась вторая, и запор там стоял другой, с множеством ступеней защиты.

Код теперь надо было вводить не нажатием кнопок на сейфе, но дистанционно, с помощью сигнала, идущего с пульта управления.

Сигнал каждый раз генерировался новый, во избежание попыток записать его и воспроизвести. И был завязан на дату, время, биометрию владельца и кучу других вещей... И попробуй ошибись хоть в самой малости – тут же активизируется система уничтожения, и на исправление случайной ошибки останется ровно двадцать секунд.

О таких мелочах, как сканирование сетчатки глаза, упоминать не будем – увы, контактные линзы с фальшивым рисунком сетчатки сделали эту предосторожность неэффективной... Но по заведенному обычаю на сейфе имела и она, и мой коллега исправно заглянул в объектив.

Тренировки не пропали даром, Шмайсер ни в чем не ошибся. С тихим мелодичным звуком внутренняя крышка приподнялась сама, словно услышав «Сезам, откройся!».

Папа Карло получил возможность увидеть сокровище. А я остался в кресле, и без того зная, что внутри.

Там лежали пачки банкнот: валюты разные, самые ходовые, номиналы крупные. Лежали монеты и небольшие банковские слитки, золотые и платиновые, и даже два десятка палладиевых. Серебра не было, ни в монетах, ни в слитках.

Папа Карло ни удивления, ни восхищения не выказал, вообще никаких эмоций не проявил. Возможно, он не лукавил: я предполагал, что Папе доводилось выступать посредником в сделках и большего размаха.

В насквозь криминальном бизнесе, возникшем и развившемся вокруг Зоны, абсолютно честных людей найти трудно: одни врут меньше, другие больше, кто-то обманет за полущку мать родную, а кто-то испортит себе карму лишь за сумму с многими нулями...

Папа Карло был исключением, уникалом и белой вороной в нашей серо-черной вороньей стае. Он с самого начала сделал ставку на абсолютную и кристальную честность, она была его главным капиталом. Честность – а не счета в банках, и не заначки валюты и золотишка, и не запасы на тайных складах продаваемой сталкерской снаряды и скупаемого сталкерского хабара,

и даже не коллекция картин, за каждую из которых любой музей мог бы выложить – если бы, конечно, имел – много-много миллионов.

Свою репутацию Папа Карло зарабатывал не один год, а заработав – берег пуще глаза. У него могли встретиться для переговоров люди, на дух друг друга не выносившие, – встретиться с уверенностью, что Папа никому не позволит притащить на стрелку оружие и что разговор никто не подслушает и не запишет. Ему доверяли посредничать в самых деликатных сделках, где продавец не верил покупателю, а покупатель – продавцу. Ему оставляли на хранение ценности, за которые и святой бы оскормился, но Папа не скоромился. Его служба доставки по России и за рубеж действовала, как швейцарский хронометр, – не случилось ни задержек, ни пропаж. Ну и конфиденциальность девятьсот девяносто девятой пробы...

Если бы на Папу Карло кто-то сдуру или из жадности решил наехать, против дурака или жадины единым фронтом выступило бы все кормящееся с Зоны сообщество, позабыв все внутренние ссоры и дразги, – и одним дураком или жадиной на свете стало бы меньше.

Таким вот человеком был Папа Карло... Иногда я задумывался – и сейчас тоже задумался, – а есть ли у честности Папы Карло свой лимит, пусть и запредельно высокий? Существует ли хотя бы в теории сумма, из-за которой он сможет оступиться?

Ответа у меня не имелось.

Папа Карло, не подозревая о моих лестных для него мыслях, начал работать: пересчитал купюры, дважды прогнав каждую пачку через счетчик-детектор.

Аккуратно записал результаты в тетраточку, причем не абы какую, а от Картье – обложка тисненной кожи с уголками из белого золота, монограмма, выложенная мелкими бриллиантками, а бумага такого качества, что хочется ею любоваться, а не пачкать карандашом или чернилами... Папа Карло пользовался для записей исключительно такими тетрадками, а электронные блокноты и прочие гаджеты презирал.

Возня с драгметаллами заняла гораздо больше времени. Каждую монету и каждый слиток Папа Карло отдельно взвешивал, затем брал пробу тестером, затем упаковывал в отдельный прозрачный пакетик, а результат, опять же отдельно, вносил в тетрадку. Если на слитке или монете имелся какой-то дефект – вмятинка, или царапина, или что-то в том же роде, – это тоже вносилось в тетрадку и параллельно, вместе с весом и пробой, – на ярлычок, прилепляемый к пакетику.

Ладно хоть тестер был у Папы дисперсно-волновой, и не приходилось дожидаться, пока на металл подействует химический реактив. И все равно процедура безбожно затянулась. Шмайсер, по сценарию обязанный наблюдать за ней неотрывно, скучал и с трудом сдерживал зевоту.

Да и я заскучал, хоть и развлекал себя на другом конце гостинной просмотром визора (плоский его экран был упакован в тяжеленную позолоченную ампирную раму). Международный новостной блок продолжался, перекинувшись на события в Европе, – там жители департамента Рона протестовали против пакета законов, недавно принятого французским меджлисом.

Протестовали по обыкновению бурно – в центре Лиона росли баррикады из опрокинутых машин, дымно горели крыши, а в окна зданий летели бутылки с зажигательной смесью. Аналитики, комментируя происходившее, тревожились и предрекали, что протест перекинется на Париж и другие крупные города, и заклинали правительство силу не применять, но искать пути к диалогу, и договариваться, и достигать компромисса, и жить всем дружно и толерантно, не поджигая машины и здания...

Скукотища. Приевшееся бла-бла-бла. Я щелкнул пальцами, пытаясь переключить канал, не получилось, щелкнул еще, опять безрезультатно... Похоже, Папа очень точно настроил датчики под себя, пришлось отрываться зад от кресла и переключать вручную...

Врубил я региональный канал, надеясь угодить на новости или хронику происшествий. Однако там шел круглый стол, посвященный строительству Нового Петербурга. Очередной треп на тему, бессмысленный и пустопорожний...

Участвовали трое: депутат областного ЗакСа, подвизавшийся там председателем Комитета по капитальному строительству, ученый-культуролог и писатель-краевед, а модерировала их беседу необъятных размеров женщина, с трудом умещавшаяся в кадре.

На такие шоу я поглядывал всегда с интересом, после того как один из балаболов отлил бессмертное: надо, дескать, приставить сталкерское сообщество к полезному и нужному делу – пускай выносят по кускам из Зоны исторические памятники с целью будущего монтажа их, памятников, в возрожденном Новом Петербурге... Не за спасибо пусть выносят, разумеется, но за достойную оплату – за оклад грамотного специалиста плюс премиальные за спасенные фрагменты памятников. Пятиминутку здорового смеха тот чудаков мне обеспечил...

Однако нынешняя тройка была уныла: пережевывала давно и не раз звучавший бред.

Писатель вещал о том, что появление Нового Петербурга логично и неизбежно, что сама география городских окрестностей к тому располагает: города-спутники Пушкин, Петродворец, Гатчина, Ораниенбаум, Сестрорецк и прочие при вложении достаточных средств обретут новую жизнь, и разрастутся, и в процессе разрастания вполне смогут соединиться в новый большой город, кольцом объявивший Зону.

Культуролог немедленно подхватил: и в новый город, конечно же, вернутся все эвакуированные питерцы, рассеянные по городам и весям России, – а спаслись и эвакуировались при Прорыве не меньше трети жителей (цифру культуролог слегка преувеличил, вернее было бы говорить о четверти). И если собрать их всех в Новый Петербург, то возродится главное: культурный дух города, питерский менталитет, а он, и только он, есть главное сокровище России, а вовсе не ценности, канувшие в банковских хранилищах и городских музеях.

Главоблстроитель о культуре и духовных ценностях не распинался. Он сыпал конкретными цифрами: датами и суммами, миллионами квадратных метров жилья и погонными километрами коммуникаций... Дескать, подведомственные ему строительные компании готовы расстараться и отгрохать за несколько лет Новый Петербург – если, разумеется, федеральный центр не поскупится и затею профинансирует. Надо – построим, сурово рубил строитель, а если сами не управимся освоить выделенные средства – привлечем компании из других регионов, но право первой ночи, разумеется, будет у местного, у областного строительного бизнеса. И все необходимые сметы просчитаны, и планы сверстаны и находятся в центре на рассмотрении, так что ждем и не теряем надежду.

Короче говоря, бред трех сивых мерин.

Нет, если найдется идиот и выделит средства, то их освоят и распилят, сомнений нет. Но Нью-Петербург через несколько лет на карте не появится – жилой фонд на несколько миллионов и вся инфраструктура прирастали веками, за несколько лет их не воссоздать, сколько миллиардов ни вложи.

Да и опасно создавать город, где они измыслили, – на периферии старого, на базе городков-спутников, на самом краю Зоны. Ну, как грянет новый Прорыв? Снимаемся срочно с места, строим Нью-Нью-Петербург? Бюджет большой, еще миллиардов подкинет?

А самое главное – Нью-Питер незачем создавать. Для чего возвращать беженцев из городов и весей? Ведь все предприятия, где они работали, все вузы, где они учились, и т. д. и т. п. – все кануло. Чем эта тройка планирует занять жителей? Те сами, едва приехав, вновь сбегут из мертворожденного города.

Все эти элементарные соображения тройка балаболов игнорировала, увлеченная мечтой о бюджетных миллиардах: не все ж строителям достанется, наверняка что-то и писателю с культурологом перепадет – за посильный вклад в пиар-кампанию.

Заскував, я собрался вновь выбраться из кресла и переключить канал. Но тут порадовала журналистка-модераторша.

Невинно-невинно так поинтересовалась: а как участники беседы с точки зрения логистики планируют объединить северное полукольцо Сестрорецк – Зеленогорск – Всеволожск с южным полукольцом Петергоф – Пушкин – Колпино? Не планируется ли случайно через Финский залив выстроить каменный пешеходный мост? На котором бы были по обеим сторонам гипермаркеты, и в них продавали бы разные товары, нужные для жителей Нью-Петербурга?

Папа Карло неодобрительно поглядел на меня, залившегося счастливым детским смехом. Мы, мол, тут серьезным делом заняты, а Лорд смехуечки строит...

От греха я выключил визор.

3

Все на свете имеет обыкновение заканчиваться. Хорошее раньше, плохое – как повезет.

Закончилась и бесконечная процедура обмена. Папа Карло унес сокровище, сложив в свою тару, тоже не простую. Шмайсер убрал коробку в сейф, зафиксировав там специальным зажимом, выполнил в обратном порядке все запирающие манипуляции и отдал мне сейф-чемодан. Браслет вернулся на мое запястье, однако ноша стала теперь значительно легче, век бы с такой ходил.

Пора было прощаться, и я спросил напоследок, кивнув на дверцу, абсолютно невидимую за шелковой обивкой стены (именно туда Папа Карло унес сокровище):

– Не боишься, что СДУ нагрянет?

Ответил Папа после паузы, словно размышлял – стоит ли нам со Шмайсером это говорить, и решил, что стоит.

– Я не боюсь. Им самим бояться пора... Насчет них очень серьезные люди перетерли. Можешь считать, что их больше нет. Что они кушают землю, а их самих кушают опарыши.

– Нет так нет, – покладисто согласился я.

Поначалу никто не знал, что означают буквы СДУ, иногда изображаемые кровью на стене, иногда украшавшие визитные карточки, оставляемые на трупах... Но однажды весьма авторитетный человек по прозвищу Музыкант потребовал назваться пришедших к нему вооруженных людей, имея в виду забить стрелу и разобраться по понятиям. «Мы из Службы добрых услуг», – ответил один из пришедших за секунду до того, как прострелил Музыканту голову.

Разумеется, Музыкант никому уже не мог поведать, что означает аббревиатура на визитной карточке, найденной на его теле. Но осталась видеозапись, сделанная камерой внутреннего наблюдения, и многие ее видели.

СДУ – отморозенная до ледяного звона и непонятно чего добивавшаяся – стала головной болью для всего кормившегося от Зоны сообщества. Никто не знал, откуда и зачем вынырнули отморозки, куда скрываются после акций. Подозрения высказывались самые разные. Например, что СДУ работает на федералов, что это некий эскадрон смерти, призванный уничтожать людей, прикрытых такой крышей, что законными способами к ним не подобраться... Предполагали и обратное: кто-то, от государства весьма далекий, готовится переделить сложившиеся сферы влияния и заодно подмять под себя и обложить поборами сталкерскую вольницу.

Болтали всякое... Но мнения Папы Карло на сей счет я пока не слышал. Теперь услышал... Слов Папа на ветер никогда не бросает, он лучше промолчит, чем сморозит глупость.

И раз сказал: будут кушать землю, то лучшее, что распространители добрых услуг могут придумать, – присмотреть, пока не поздно, живописные местечки на кладбище с наиболее аппетитной земелькой. Хотя, может быть, уже поздно. Не стал бы Папа нам говорить такое, если бы имелся шанс, что информация успеет просочиться к отморозкам.

– Ну, мы пойдем, Папа, – сказал Шмайсер.

К теме СДУ он не проявил ни малейшего интереса – зарабатывал на походах в Зону он не так уж много и все заработанное тут же тратил, живя одним днем. И считал, что его скромной персоной СДУ заинтересуется в последнюю очередь.

– Идите, – сказал Папа. – Если еще что потребуется, обращайтесь.

Он проводил нас до порога. Это был еще один его неизменный обычай. К Папе нелегко было попасть, всевозможные мелкие вопросы решали его доверенные люди. Но если кто-то попадал, Папа провожал его до порога. Сам, лично, без исключений.

Мы втроем прошли по винтовой лестнице (металлические ступени ручнойковки, кто б сомневался), оказались на первом этаже. Здесь в небольшом помещении висели на вешалке

мой плащ и камуфляжная куртка Шмайсера, а рядом, за перегородкой с односторонней прозрачностью, находился торговый зал магазинчика «Все для самоубийц».

Разумеется, так называли лавку Папы Карло лишь неформально и лишь свои. Дело в том, что продававшееся там вполне легальное снаряжение – камуфляж, «берцы», палатки, спальные и т. д., и т. п. – могли использовать хоть туристы, хоть охотники, хоть рыболовы, но отчего-то главной клиентурой были дураки, начитавшиеся глупых книжонок и решившие, что могут сунуться в Зону сами, без опытного сопровождающего, и Зона их примет и отпустит.

Впрочем, не все дурачки погибали – чем-то ему приглянувшихся Папа просто так не отпускал, давал телефоны людей, организующих экстрим-туры по предзоннику, – может, кто-то, приглядевшись, зацепится и выбьется в сталкеры... Папа заботился о пополнении кормившего его контингента.

Пока мы одевались, Папа Карло сквозь перегородку понаблюдавал за торговлей: отоваривались двое, девушка и парень, привлекавший внимание огненно-рыжим цветом волос. Папу эта парочка ничем не заинтересовала.

Тем временем Шмайсер облачился в свою куртку, я же просто перекинул плащ через сгиб руки, в которой держал почти пустой и легкий сейф, – не хотелось лишний раз возиться с расстегиванием-застегиванием браслета.

Папа отворил нам дверь заднего выхода. И, когда Шмайсер шагнул на улицу, произнес негромко и быстро:

– Сорока на хвосте принесла, что СДУ тобой, Лорд, интересовалась. Поберегись.
Вот не было печали...

4

Наши машины стояли бок о бок, и со Шмайсером мы распрощались там же, на парковочной площадке возле дома Папы Карло. Я протянул руку, Шмайсер расстегнул браслет и забрал сейф. Выглядел он довольным, еще бы – за утро заработал без тревог и хлопот как за пару-тройку рейдов в Зону.

– Ну, бывай, Лорд. Надо будет чего, звони, не забывай.

Пообещал ему звонить и не забывать. Шмайсер вместе с сейфом погрузился в свой «Меновар» и укатил. Я же сел в «Гарпию», аккуратно сгрузив плащ на переднее пассажирское сиденье. Завел двигатель, включил музыкальный центр, но тронуться с места не спешил, словно бы призадумавшись: куда же поехать?

Призадуматься, если честно, было о чем – в свете прощальных слов Папы Карло. Но медлил я не оттого: музыкальный центр был способен не только услаждать меня музыкой, однако сейчас его сканер мертво молчал – никаким вторжениям и тем более посторонним доработкам «Гарпия» за время моего отсутствия не подвергалась... Отлично. Я забрал из магнитного зажима под приборным щитком «Горыныч», сунул в подплечную кобуру – ходить в гости к Папе с оружием не полагалось.

Переключился на внешнее сканирование, и вот тут меня ждал сюрприз... Слабый источник излучения, причем удалявшийся. Я включил и задействовал картплоттер – мерцающая фиолетовая точка удалялась по Фильтровскому шоссе. А именно на пустынную Фильтровку только что вырулил Шмайсер и покатил именно в ту сторону.

Совсем недавно, когда мы прибыли к Папе, «Меновар» был чист как стеклышко. Все бы ничего – в мире полно любопытных людей, и к их услугам имеются магазинчики типа «Все для самоубийц», только иной направленности.

Купив там пару несложных приборов, любой ревнивый муж может без труда узнать, куда и к кому едет жена, укатившая якобы к подруге. Или подозрительный начальник может услышать все сплетни, что рассказывают подчиненные в курилке.

Все так. Да только работало устройство, установленное в наше отсутствие на машину Шмайсера, в крайне любопытном диапазоне, шпионский ширпотреб использует совсем другие частоты. За Шмайсером сейчас можно следить издалека, через спутник, и засечь «наружку» шансов нет за отсутствием таковой. И случайно сигнал никак не обнаружить – например, при помощи УКВ-рации.

Стоил «спейсмаячок» недешево, но это полбеды, среди любопытных людей встречаются и весьма состоятельные. Беда в том, что в магазинах «Все для любопытных» такую штучку не продадут ни за какие деньги – сама по себе она не способна удовлетворить ничье любопытство, для слежки нужна инфраструктура, включающая и наземные, и космические элементы. Мой музыкальный центр, хоть и проигрывал порою самый заурядный шансон, был вписан именно в такую инфраструктуру – но и приобрел я его отнюдь не в магазине... Раздобыл, задействовав старые служебные связи и новые финансовые возможности.

Вывод прост и гнусен: в любом случае здесь не самодеятельность отдельных лиц. Или Шмайсером интересуется госструктура, или крупная негосударственная организация, сравнимая с государством по возможностям.

Причем объектом интереса стал бы я, если бы не проявил осторожность и не нанял Шмайсера на роль зиц-покупателя. Наш маленький спектакль не предназначался для Папы, тот слишком хорошо знал обоих. Все было разыграно для сторонних зрителей...

В результате получена фора... И прибор получен. Я протянул руку к соседнему сиденью, коснулся коробки, прикрытой плащом. Чисто сработано, даже Папа ничего не заметил и на любом детекторе лжи подтвердит: покупку забрал и увез Шмайсер. Ловкость рук и никакого

мошенничества, красивый трюк в стиле Гудини... Дело в том, что сейф, при всех его наворотах, можно было открыть легко и просто, нажав снаружи в нужное место. Вот так уж я сейф доработал, снабдил дополнительной незаметной дверцей... Нажал под прикрытием плаща и незаметно изъясил коробку. Ну, разве не молодец?

Но раз заварилась такая каша, фору надо использовать немедленно и с умом. Совершенно незачем таскать прибор с собой, да и дома хранить ни к чему. Дома у меня лежат вещи исключительно легальные, подозрительных и недоуменных вопросов вызвать не способные, и даже на «Горыныч» имеются все необходимые документы.

Кстати, что я заладил: прибор, прибор... Надо как-то окрестить недавно появившуюся на свет штуковину. Пусть будет пеленгатором. Пеленгация – не единственная его функция, но все же одна из основных. Нет, лучше так: Пеленгатор, с заглавной буквы. Пеленгующих устройств на свете много, а это единственное и неповторимое. Кто-нибудь иной мог бы добавить к названию устройства свою фамилию. Увековечить, так сказать...

Но я человек скромный. Мне лишняя реклама ни к чему.

5

Неприятности начались на подъезде к дому. Как раз в тот момент, когда на связь должна была выйти система безопасности моего жилища и отрапортовать: все в порядке, посторонних вторжений не отмечено. Или, на худой конец: в дом вторглись чужаки и до сих пор там остаются.

Система на связь не вышла, ее нашли и отключили. На случайный сбой или поломку я грешить не мог: источник питания автономный, все цепи продублированы, а самые важные – протриплированы. Не случается поломок и сбоев.

Обитал я в небольшом двухэтажном коттедже – в сравнении с жилищем Папы Карло он выглядел как хижина на фоне дворца, но меня устраивал. Коттедж стоял в одиночестве, на отшибе, хотя, по задумке, должен был стоять среди густо застроенного дачного поселка для среднего класса. Но случился Прорыв, и уцелевшие представители среднего класса очутились в эвакуации, а строительная фирма, собравшаяся возводить поселок, разорилась. Пригородная недвижимость мгновенно обесценилась, и я прикупил по дешевке единственный достроенный коттедж не состоявшегося поселка, служивший, так сказать, выставочным образцом для людей, желавших поучаствовать в проекте, и дооборудовал его по своему вкусу.

Теперь в моем жилье окопались чужаки.

Рядом с домом – ни людей, ни чужих машин. Все внутри и готовятся встречать хозяина.

И почему я не удивлен? Наверное, после прощальных слов Папы ждал чего-то похожего, пусть и не столь быстро.

Зато незваным гостям – СДУ ко мне заявила или кто иной – порция удивления гарантирована. И не только удивления, но и парализующего излучения. Излучатели абсолютно независимы от охранной системы, и обнаружить их нельзя, не разнеся дом по кирпичику. Сейчас приведу незваных гостей в безопасное состояние и начну разбираться – кто такие да зачем пожаловали... А если что, то у меня в подвале и система утилизации агрессивных визитеров имеется, не просто выглядящая как отопительный котел, но и способная реально обогревать дом.

Я припарковался, как парковался всегда, ничем не отклоняясь от обычного алгоритма действий. Забрал из машины плащ – Пеленгатор домой не потащил, припрятал в надежном месте, имелось у меня в окрестностях несколько укромных и хорошо защищенных «закладок», и я выбрал самую укромную и защищенную.

Приготовился запереть «Гарпию» – вернее, так мои действия должны были выглядеть со стороны. На деле же миниатюрный пульт в моей руке не блокировал двери машины и не активизировал противоугонные системы – он включал импульсные парализаторы, замаскированные по всему дому.

Не успел... Все произошло одновременно: легкое движение, замеченное справа самым краем глаза, негромкий хлопок и резкая колющая боль в шее между ухом и воротником...

Медленно-медленно я повернулся в ту сторону. И увидел сюрреалистическое зрелище: над идеально подстриженным газоном парила короткая пневмашка – не то сильно укороченная винтовка буллпаповской компоновки, не то пистолет, удлинненный сверх разумных пределов. Над оружием, на манер улыбки Чеширского кота, парила несколько иная часть лица: две глазницы с тем, чему полагается в глазницах быть, и переносица между ними...

Я еще успел понять, что с газона приподнялся человек в комбинезоне-«невидимке», а мои дернувшиеся к шее пальцы успели нащупать коротенькую стрелку-шприц...

Больше не успел ничего.

Окружающий мир проделал немислимый кульбит, и перед моими глазами – близко-близко – оказалось колесо «Гарпии». В ушах гудели погребальные колокола, а тело ничем, даже болью, не намекало на свое существование.

Способность мыслить я не потерял. Но мысли ворочались в голове медленно и были несвоевременными и глупыми. Например, я целую вечность корил себя за то, что так и не заменил по безалаберности на «Гарпии» зимнюю резину, и она теперь сама собой превратилась в летнюю...

Потом сквозь колокольный звон и дурацкую мысль о зимней резине пробился звук отворившейся входной двери. Затем послышался женский голос:

– Тащи его сюда, Славик!

Я узнал этот до боли знакомый голос, но его обладательницу не видел... Меня легко оторвали от грешной земли, легко занесли в дом. На лестнице, ведущей на второй этаж, я отключился окончательно.

Глава 2

Безумное кофепитие

1

Я лежал на полу собственного рабочего кабинета, на самолично купленном ковре, – и, судя по положению солнечных пятен на ковре, пролежал немало... Часа три как минимум.

Лежал на боку со стянутыми за спиной руками. Впрочем, свободные руки мало что изменили бы в моем положении – тело упорно не желало подчиняться командам мозга.

К тому же за моими безуспешными попытками шевельнуться внимательно наблюдала парящая в воздухе голова. Разумеется, хорошенько приглядевшись, можно было заметить и тело – до сих пор укрытое комбинезоном и казавшееся оттого состоящим из прозрачного газа, обладающего оптическими свойствами, несколько отличными от воздуха. Но это приглядевшись... А на первый взгляд – зрелище не для слабонервных.

Свою пневмашку голова куда-то убрала. Да и зачем та, в самом деле... Со мной сейчас мог управиться и подросток – голыми руками и не особо затруднившись.

А владелец головы – именуемый, надо думать, Славиком – подростком не был, невзирая на довольно детскую форму имени... Габариты смутно различимого тела оказались незаурядными. Силушка, судя по тому, как легко Славик меня сюда потащил, тоже недюжинная.

Напарницу Славика я видеть не мог, упорно глядя на Чеширскую голову – глазные мышцы до сих пор оставались под действием вколотого препарата.

Но голос Ильзы слышал хорошо – обращалась она вроде и ко мне, но ответа явно не ждала, негромко говорила вслух сама с собой, комментируя свои действия. А состояли те, судя по всему, в беззастенчивом и хамском исследовании моего компьютера.

Вот уж встреча так встреча. Кого угодно я ожидал найти здесь притаившимся в засаде, от доблестных правоохранителей до бойцов СДУ, но никак не свою бывшую женушку.

Ну что за манеры? Разошлись – так уж разошлись, и нечего ходить незваной в гости, да еще в компании нового мужа или кем там ей Славик Чеширский приходится... А если вдруг желаешь, на западный манер, взыскать алименты за бездетный брак, то обратись в суд, как делают все приличные западные люди. Я ведь не бомж какой-нибудь, имею аж два легальных источника дохода: пособие по безработице плюс пенсия ликвидатору Прорыва. Суммы и там, и там мизерные, но если суд обяжет поделиться – поделюсь.

Увы, и мое возмущение, и моя потенциальная щедрость никак не могли получить словесное воплощение. Ильзу я слышал, но сам сказать ей ничего не мог.

– Что у нас тут такое? – задумчиво говорила Ильза. – Так-так-так... Программа для взлома паролей... Фу, как ты опустился... Былой борец с преступностью ломает аккаунты, да еще чужой программой, как начинающий криворукий хакер... стыд и срам.

Я мог бы возразить, программа досталась мне в наследство от одного действительно хакера, мир его праху, – но не хотел оправдываться перед экс-благоверной. Да и не мог.

Эх, надо было ставить более надежный пароль, не восемь цифр, и ограничивать число неудачных попыток ввода... Да что теперь жалеть, поздно.

Но на этом компе ничего действительно важного не хранилось, и я не стал мудрить и поставил паролем дату рождения. Не свою, это уж чересчур, – дату рождения бывшей супруги. И вот ведь как подгадал... Надеюсь, она приятно удивилась.

– А что ты хранишь в фотоальбоме? Та-а-ак... Да ты сентиментален, я вижу... Пожалуй, несколько папок я удалю, если не возражаешь. Ведь ты не возражаешь, правда? Не хочу ломать

голову над тем, чем ты занимаешься, глядя на те снимки, где я в купальнике... И тем более – где я без купальника. Я ни в чем дурном тебя не подозреваю, я просто их удалю. А это, как я понимаю, твоя новая... Ее, кажется, звали Кристина? Ну, ладно, ладно, не пыхти там, пусть ваши интимные тайны останутся тайнами...

Тут ее воркующий тон резко сменился на приказной:

– Поверни его, Славик!

Если это и впрямь ее новый муж, то ходит он по струнке, бедняга...

Господин Чеширский выполнил приказ своими невидимыми руками. И я наконец смог разглядеть Ильзу.

Вернее, первым попал в поле зрения ее наряд: не комбинезон-«невидимка», обычный мимикрирующий камуфляж, довольно удачно имитирующий сейчас цвет стены.

Жаль. Парочка парящих в воздухе голов смотрелась бы гармонично.

На комбинезон была натянута жилетка-разгрузка, тоже мимикрирующая, и многочисленные ее карманы и кармашки были плотно набиты непонятно чем. На ремне висела открытая кобура, из нее торчала пистолетная рукоять – может, тоже пневмашка, может, газовик или травматика, а может, и боевой ствол... В общем, выглядела былая подруга жизни конкретно вставшей на тропу войны. Чудеса...

Когда мы с Ильзой виделись в последний раз, она успешно делала карьеру в одном из НИИ, образовавшихся после Прорыва и занимавшихся как бы изучением Зоны... Карьеру не ученого, скорее администратора от науки, хотя кандидатскую диссертацию защитить сподобилась.

И вот теперь она щеголяет не просто в наряде в стиле «милитари», но в самом деле выглядит как спецназовец, собравшийся на спецоперацию. Кстати, именно щеголяет: комбинезон Ильзы, задуманный как исключительно функциональная и унисексная одежда, не позволяющая возникать на службе не предписанным Уставом мыслям, – комбинезон был сшит идеально по фигуре, со всякими выточками и прочими женскими прибабасами. И мысли возникали-таки...

И как все это понимать? Родимая наука начала осваивать новые и нетрадиционные методы получения научной информации? Или все происходящее – чистой воды самодеятельность бывшей супруги и господина Чеширского, кем бы он ей ни приходился? Загадка природы.

Ильза склонилась надо мной, и я наконец смог увидеть ее лицо.

Совсем не изменилась... Заодно я увидел сжатый в руке шприц-тюбик. Надеюсь, в нем все же антидот. Чтобы отправить меня на тот свет, не стоило так мудрить, достаточно было сразу пальнуть шприцем со смертельной отравой.

Ильза вновь исчезла из поля зрения, и я почувствовал, как руку кольнуло, – почувствовал гораздо слабее, чем ощущается обычная инъекция.

2

Общение продолжилось в более комфортной обстановке, в гостиной за кофейным столиком. И даже за накрытым – г-н Чеширский, отлучившись, вернулся, неся поднос с кофейником, чашечками и прочими необходимыми для кофепития причиндалами. Прямо как у себя дома хозяйничают...

Обстановка стала более комфортной, но ее благами я мог воспользоваться лишь отчасти: руки до сих пор оставались стянуты за спиной, и на чашечку кофе и блюдечко с круассанами, поставленные передо мной, я мог лишь смотреть. Возможно, это стало утонченным издевательством. Возможно, проявлением запредельной тупости Чеширского. Голос этого господина я так до сих пор ни разу и не услышал.

Ладно хоть в шприце оказался действительно антидот и подействовал быстро. Чувствительность вернулась, подвижность мышц тоже. И я теперь чувствовал, что руки мои стягивают не классические наручники и не архаичная веревка, так что не удастся ни ослабить, ни перетереть путы, и замок наручников не отпереть, окажись вдруг в наличии подходящая проволочка.

Запастя мне стянула «имка», а более надежных оков и пут до сих пор изобретательное человечество не придумало. Разумеется, и от «имки» я мог избавиться, но только обладая запасом времени и возможностью добраться до необходимых инструментов.

А пока нет ни того, ни другого, рассчитывать можно только на нижнюю пару конечностей. Если бы Ильза сделала глупость и отправилась бы ко мне в гости в компании какого-нибудь высоколобого деятеля науки... Тогда уж я непременно попробовал бы разобраться с ними без помощи рук.

Но она избрала компаньоном Славика – и чем больше я смотрел на этого индивида, тем вернее приходил к выводу, что никакой он Ильзе не муж и даже не бойфренд – наемник, имеющий изрядный опыт спецопераций. Можно было бы догадаться с самого начала: незамеченным в комбезе-«невидимке» мог остаться любой дурак, имеющий достаточно денег на покупку баснословно дорогой униформы. Но попробуйте-ка угодить с двух десятков метров стрелкой-шприцем в узенькую полоску шеи, не прикрытую тканью... Пневмашка ведь не снайперская винтовка, шприц летит медленно, и учитывать надо множество факторов, до скорости ветра включительно...

Ильза попивала кофе – мой кофе, между прочим. Задумчиво кушала круассан, тоже мой. И разговор начинать не спешила.

Я на кофе лишь посматривал и тоже молчал. Не интересовался причинами визита, не возмущался формой, в которой он протекал. Предоставлял экс-благоверной право первого хода.

Ну а в списке недостатков Славика Чеширского, как уже было сказано, многословие не числилось.

Со стороны, наверное, все смотрелось полным сюрсом: молчащий хозяин со стянутыми за спиной руками; молчащая гостья в камуфляже и с кобурой; парящая над креслом молчаливая голова. Безумное кофепитие какое-то...

Ильза отставила опустевшую чашечку. И перешла к делу:

– Твоя биография – после нашего развода и после того, как тебе выдали смачного пинка на службе, – мне в общих чертах известна. Только, бога ради, не обольщайся и не делай лестные для себя выводы из моего интереса: приглядывать за всеми более или менее известными сталкерами входит в мои служебные обязанности.

Она сделала паузу, чтобы я смог проникнуться и прекратить обольщаться. Я проникся. И прекратил.

– Итак, ты получил смачного пинка под зад на службе, – продолжила Ильза, повторив эту фразу с нескрываемым удовольствием. – И покатился по наклонной. Не стал добиваться

восстановления и пытаться устроиться в приличную частную структуру тоже не стал. Подался в сталкеры, решив использовать для получения легкой наживы свои специфические знания и опыт.

Я не стал возражать, такая трактовка мотивов моих действий тоже имела право на существование. Ильза тем временем доказала, что и личная моя жизнь не избежала ее внимания – разумеется, исключительно ввиду служебных обязанностей.

– Затем ты вторично женился, на птичке того же полета. На редкой, надо отметить, птичке – на сталкерице или сталкерихе, уж и не знаю, как их правильно называть. Через год овдовел при невыясненных обстоятельствах: можно догадываться, что боевая подруга сталкера не убереглась-таки в Зоне. С тех пор ведешь жизнь волка-одиночки, причем занимаешься в Зоне не совсем понятными делами...

Она помолчала. А затем, решив, что вступлений и преамбул достаточно, бабахнула, как из пушки в лоб:

– Я знаю, что ты нашел Триггер. Я знаю, что в ближайшее время ты собираешься к нему пойти. Я хочу, чтобы мы пошли вместе.

Подумала и добавила, кивнув на Чеширскую голову:

– Вместе – значит втроем.

Трудно отказать женщине, которую когда-то любил, особенно если эта женщина держит тебя на положении пленника, со стянутыми за спиной руками, и к тому же морит голодом и жаждой, лишив кофе и круассанов.

И я согласился:

– Хорошо, нет проблем, дорогая. Готов выступить хоть завтра. Но стоит ли тебе тащиться в Зону ради одного лишь Триггера? Предлагаю устроить обзорную экскурсию: Триггер, Золотой Шар, Мощи Хемуля, Алмазный Лабиринт... Заодно познакомлю с Черным Сталкером, он любит шатенок. А еще я знаю...

Ильза сделала едва заметный знак, и я вновь оказался на ковре. Рядом оказалось опрокинувшееся кресло.

Ох-х-х... Давненько я не пропускал таких плюх... А тут не сумел ни уклониться, ни «снять» удар, пустив его по касательной. И не только в комбезе-«невидимке» дело – Чеширская голова даже не шевельнулась и не дрогнула лицом, когда невидимая и длинная, как у гориллы, лапа смахнула меня на пол вместе с креслом.

Затем и я, и кресло вновь приняли вертикальное положение. Не сами по себе, трудами Славика. Ильза произнесла, не меняя тона:

– Мое предложение вполне серьезное и деловое. Советую отнестись к нему без иронии. Очень советую.

– Хорошо, – вновь согласился я. – Заявляю тебе без иронии: Триггер – миф, легенда, часть сталкерского фольклора. С тем же успехом я могу проводить вас в Шамбалу или в Китежград. Хотя нет, до Китежа добраться больше шансов – озеро, где он затонул, в реальности имеется и на картах обозначено.

Ильза посмотрела на меня с сомнением: а не подать ли еще один знак своему гориллоиду? Но не подала. Тяжко вздохнула и произнесла:

– Как отмазка первого уровня, пожалуй, сгодится... Но давай пропустим этот уровень. И заодно несколько следующих. Чтобы тебе было легче их пропустить, скажу сразу: я, например, в курсе твоих взаимоотношений с Коалой.

Оп... Эта плюха, хоть и виртуальная, оказалась посильнее, чем полученная от щедрот Чеширского.

О Коале и его связи со мной знать никому не полагалось. Потому что Коала был одним из разработчиков Пеленгатора... Вернее, разработчиком одного из блоков сего многофункционального устройства. Общались мы исключительно виртуально, и общение было обставлено

множеством ступеней защиты... Равно как и отправка Коале честно заработанных гонораров. Выпотрошив до дна мой компьютер, Ильза даже никнейм «Коала» не смогла бы узнать, не говоря уж о том, чтобы как-то связать его с Триггером и Пеленгатором...

Ну и что мне оставалось делать? Лишь юлить – в надежде, что Ильза приоткроет еще карту-другую, и я хоть что-то начну понимать.

– Не возьму в толк, о чем ты. Я редко бываю в зоопарках и ни с одной из коал отношений завести не успел... Отношения такого рода вообще меня не привлекают.

Теперь я внимательно следил за прозрачными и газообразными руками Чеширского... Однако обошлось. Ильза всего лишь назвала дату и точную сумму моего последнего перевода Коале. Получение, кстати, он так и не подтвердил, и у меня сложилась рабочая версия: допустим, Коала, вернувшись в один из дней домой, обнаружил парящую над газоном пневмашку... И так далее, по тому же алгоритму.

Мы с Коалой общались на английском и через австралийский сервер, что в сочетании с избранным им никнеймом наводило на определенные догадки... Но не исключено, что обитал он не у антиподов, а гораздо ближе. Да и сладкая парочка, в конце концов, могла прокатиться в Австралию.

– Ладно. Оставим сумчатых пока в покое, – сказала Ильза. – Вернемся к сталкерскому мифу под названием «Триггер». Ты, наверное, сильно удивишься, но в нашем НИИ этот миф изучают сразу три лаборатории, и работа их очень неплохо финансируется из бюджета, гораздо лучше, чем, например, поиск методов уничтожения Серой Слизи.

– На месте изучают? – спросил я невинным тоном и подумал: вполне вероятно, что в одной из тех трех лабораторий трудится или трудился Коала.

– Разве это обязательно? Специалисты по древнему Вавилону никогда в нем не бывали. И специалисты по солнечной короне тоже предпочитают держаться подальше от объекта изучения.

– Но теперь, как я понимаю, изучение гипотетически существующего Триггера вступило в стадию полевых работ и практических экспериментов? И встал вопрос, как добраться до объекта изучения? Должен отметить, что ты выбрала не самый оптимальный способ для найма проводника. Давай забудем, что было, и начнем разговор по новой? Вы выйдете и позвоните в дверь, как приличные люди... Для начала, разумеется, освободив мне руки.

– Повременю. Мне представляется, что в таком состоянии ты более договороспособен.

Ильза улыбнулась. И как я мог считать когда-то эту улыбку обаятельной? Где были мои глаза? Так, наверное, улыбается тигрица добыче, прежде чем запустить в нее зубы.

– Возможно, ты и права. У меня, кстати, есть утюг, да и паяльник где-то валялся. Они делают людей совсем уж покладистыми... Но вот вопрос: а велика ли цена договоренностям, вырванным силой? Или по Зоне мы пойдем так же – я впереди, со связанными руками и с паяльником в заднем проходе? Недалеко уйдем, думаю.

– Логично. Именно потому я хочу тебя убедить, а не заставить.

– Ну, тогда приступай... Только не забудь один момент: если допустить, что Триггер действительно существует и я действительно знаю к нему путь, то наши с тобой стартовые позиции заведомо не равны: я могу добраться до Триггера без тебя, а ты без меня – нет. Предлагаю начать переговоры с констатации этого простого факта.

– Есть такой факт, – согласилась Ильза и вновь улыбнулась. – Но есть и другой: если мы не договоримся, я могу попробовать найти другого сталкера. А ты уже ничего не попробуешь в этой жизни. Тебя найдут здесь спустя какой-то срок – в стадии разложения, напрямую зависящей от величины этого срока. И никто не станет жалеть. И никто не станет всерьез докапываться до причин смерти. Жил, жил и умер, с любым может случиться. Мне кажется, что этот второй факт уравнивает наши стартовые позиции.

Мне показалось, что Ильза не блефует... Весь опыт почти пяти лет совместной жизни подсказывал: не блефует. Не понять только, с чего она так пошла вразнос. Вышибли из НИИ? Не повод, чтобы очертя голову бросаться в Зону за Триггером. Она имеет о Зоне понятие больше теоретическое, опыт полевой работы минимален...

– А еще у меня есть несколько козырей, которые в твоей колоде по определению не появятся... Славик!

Вскоре из невидимости возник небольшой предмет – над столиком, в нескольких сантиметрах от столешницы. И упал вниз. Столик содрогнулся от сильного удара, чашки подпрыгнули, звякнув о блюдца. При этом сам предмет был размером с пуговицу, и стало ясно: «чечевица» настоящая, не подделка из стекла.

«Чечевица» – дисковидный кристалл или нечто его весьма напоминающее. Толку от него никакого, вреда тоже, зато имеются два интересных свойства. Во-первых, небывалая плотность вещества – весит небольшой кристалл чуть менее пяти килограммов. Во-вторых, уничтожить его невозможно, по крайней мере способами, доступными обычным людям. Можно бить хоть кувалдой, хоть стотонным прессом – не расколется. И от нагревания до очень высоких температур не разрушится. Инструменты с алмазной режущей частью ни малейшей царапины на поверхности кристалла не оставляют. Ну а что с «чечевицами» делают люди науки, они нам не докладывают... Возможно, кристалл и не устоит под пучком разогнанных до световой скорости тяжелых частиц.

Поначалу «чечевицы» стоили немалых денег и пользовались большим спросом, пока Жучара не нашел их богатую россыпь и не начал таскать, сколько мог унести. Рынок быстро перенасытился, а расстроенный Жучара проболтался по пьяни о местонахождении найденных залежей. А потом отыскались еще несколько россыпей...

В результате теперь «чечевицы» стоили совсем недорого – сувенирчик из Зоны, неплохой подарок по случаю, – и охотились за ними лишь начинающие сталкеры.

«Чечевица» меня заинтересовала мало в отличие от предмета, извлеченного Ильзой из нагрудного кармана разгрузки. Предмет напоминал электрошокер. Отдаленно напоминал, примерно так же Пеленгатор напоминал видеокамеру.

Заостренные рожки псевдошокера Ильза нацелила на кристалл – с полуметрового примерно расстояния – и спросила:

– Полагаю, ты хорошо знаешь, что эта штука считается неуничтожимой?

– Знаю, знаю... А еще я слышал версию, что если удастся разрушить ее межмолекулярные связи, то выделится энергии этак на пару килотонн тротилового эквивалента... Ты мне тут не попорти обстановку, пожалуйста.

С этими словами я попытался было подняться и отойти от греха подальше, хотя если мысль насчет пары килотонн верна, то никакого смысла отходить не имелось. В любом случае подняться не удалось – невидимая гориллья лапа притиснула к креслу.

С контактов «шокера» сорвались два разряда, даже скорее две коротенькие синие молнии, сошлись на «чечевице» – и та взорвалась.

Ни килотоннами, ни просто тоннами, ни даже килограммами тротилового эквивалента тут и не пахло. Хлопок получился, как от новогодней петарды, причем от самой маленькой, для комнатного употребления предназначенной.

«Чечевица» исчезла почти без следа. Почти – потому что на скатерти след таки остался: небольшое темное пятнышко. Иного ущерба обстановка не потерпела.

Я был впечатлен, что уж скрывать... Но не потрясен. То, что работает здесь – даже с артефактами Зоны, – чаще всего не срабатывает там, где с физическими законами происходит не пойми что.

– Дальнодействие у этой штучки около тридцати метров, – поведала Ильза. – Неплохо, согласись. И это, поверь, не последний мой козырь.

Не знаю уж, чего планировала добиться Ильза своей демонстрацией, но привела меня к мысли, что вся ее старательная карьера в науке – долгий путь к тому, чтобы, используя в собственных целях научные наработки, взять большой куш для себя лично. Не размениваясь, как я, на мелочовку. И куш этот, разумеется, Триггер.

Мысли свои я немедленно озвучил, пусть и в более обтекаемых формулировках.

Если договариваться – а я склонялся к мысли, что с Ильзой придется-таки договариваться, – то некоторые неясности по-любому надлежит прояснить. А главная неясность в том, для кого Ильза делает то, что она сейчас делает...

Экс-супруга мои подозрения отвергла. И заявила, что действует исключительно в интересах родного НИИ и родной зоноведческой науки, но... Но в науке зонологии существуют свои подводные течения, разбивающиеся о свои подводные камни и порождающие водовороты... И, образно говоря, в один из таких водоворотов Ильза сейчас угодила. И вынуждена проявить никем не утвержденную инициативу, поскольку победителей не судят. Ну и проигравших, из Зоны не вернувшихся, тоже не судят.

Нельзя сказать, что я ей сразу и безоговорочно поверил. Но принял версию в качестве информации к размышлению.

3

– Согласен провести вас к артефакту, который вы называете Триггером, – сказал я, с наслаждением разминая запястья. – Но если Триггер не оправдает ваши надежды и ожидания, это станет исключительно вашей проблемой.

Теперь бы еще для полного счастья получить обратно свое носимое имущество, исчезнувшее из карманов и подплечной кобуры. Хотя можно обойтись и без «Горыныча», если удастся выбраться из дома, оставив там сладкую парочку. Долг платежом красен, и давнее намерение оглушить визитеров парализующим излучением никуда не подевалось. Пусть на себе узнают, каково вести переговоры со стянутыми руками. А я попью кофейку, поем круасанов за разговором... Я уже говорил, что я мстительный?

Ильза тем временем, поразмыслив над моими последними словами, произнесла подозрительно:

– Что-то мне не нравится, как ты формулируешь... Давай уточним сразу: к фольклорному и мифическому Триггеру мы попасть не стремимся. Нам нужен тот Триггер, что исследовал Коала. Вернее, изучал производимые Триггером возмущения.

Я отметил, что оба глагола Ильза произнесла в прошедшем времени. И подумал, что случайная моя догадка могла угодить в десятку: Коала жил гораздо ближе Австралии. Именно жил, а теперь перестал жить.

– Хорошо, я сформулирую иначе: проведу вас именно к Коалотриггеру. Так устроит?

– Устроит... – протянула Ильза таким тоном, словно чуяла подвох, но не могла сообразить, в чем он.

– Тогда договоримся о сроках. У меня есть причины спешить, и я собирался выступить...

Договорить мне не удалось. Снаружи донесся более чем характерный звук. Сквозь тройной стеклопакет мы не слышали бы, но у меня имелся выведенный наружу микрофон.

У дома остановилась, резко завизжав тормозами, машина. Кажется, даже не одна.

Случайно сюда никто приехать не мог. Я именно так и выбирал жилье, чтоб случайно не приезжали и чтобы соседи не пялились из окон за происходящим возле моего дома.

Кто бы ни пожаловал в гости, похоже, что Ильза и ее компаньон были удивлены не меньше моего.

Не сговариваясь, мы вдвоем поспешили к окну. И узрели два «Комбата», наискось перегородивших крохотную парковочную площадку. В дверь уже звонили – кто-то успел выскочить из машины и, невидимый нами, стоял сейчас у двери.

А система безопасности, как на грех, не работала... И вполне возможно, включить ее не удастся. Поскольку и отключить было не так-то легко, и скорее всего сладкая парочка тупо ее сломала.

– Твои? – негромко, словно гости нас могли услышать, спросила Ильза.

– Никого не жду... И мои так не подъезжают. Скорее, вы на хвосте притащили. Верни «Горыныч».

Ильза просьбу проигнорировала. Напряженно всматривалась в окно, не появится ли кто еще из машин. Никто не появлялся.

Мне пришла в голову одна мысль, и я немедленно поделился с Ильзой:

– Мне одна сорока на хвосте сегодня принесла, что мною интересовалась СДУ.

Реакция последовала мгновенно. Причем со стороны Чеширского и без какой-либо команды Ильзы. Парящая голова вновь облачилась в капюшон, оставив на виду два глаза с прилегающей малой частью лица. В воздухе вновь возникло оружие – не пневмашка, «Скорпион» с магазином увеличенной емкости. Вполне профессиональный ствол, и его появление

рассеяло последние сомнения: передо мной отнюдь не деятель науки, накопивший на «невидимку» и натренировавшийся стрелять в пейнтбольных игрищах.

Надо было что-то решать, дверной звонок не смолкал. Эхом ему на кухне раздавалось мелодичное звяканье кофеварки, докладывавшей: наконец-то и хозяин дома может причаститься кофе с круассанами.

Но мне стало опять не до кофе.

Ильза, судя по всему, колебалась и не понимала, что делать... Вернуть мне пистолет и готовиться к драке? Или попытаться мирно разрулить ситуацию? Не привыкла наука быстро решать такие проблемы...

У меня же колебаний не было: в таких случаях безопаснее всего исходить из предположения, что тебя приехали всерьез убивать. Пусть все остальное станет приятным сюрпризом.

Я метнулся было к встроенному в стену оружейному сейфу – пусть не «Горыныч», но охотничье ружье с картечными зарядами может сейчас пригодиться.

Метнулся – и был остановлен «Скорпионом», недвусмысленно нацелившимся мне в живот. На рожон я не попер, но появилось тоскливое предчувствие, что из-за этих двух идиотов Пеленгатор мне уже никогда не понадобится...

Ильза так ничего и не решила – решили за нее. Дом содрогнулся – от фундамента и до крыши. Донесся глухой, но очень мощный звук. Пока наше внимание отвлекали звонками в дверь главного входа, заднюю вынесли направленным взрывом.

И все завертелось.

Глава 3

Те же и Служба недобрых услуг

1

Если до сих пор Ильза считала, что контролирует обстановку, то сейчас ей пришло время прекратить так считать.

Чеширский, не дожидаясь ее команды, выскочил из гостиной. Я тоже выскочил, но не наружу, а в примыкающую комнатку, гордо именуемую кабинетом, – именно там находился оружейный сейф.

Растерянная Ильза застыла между окном и кофейным столиком. Вот так-то, дорогая, это тебе не лаборантами и младшими научными сотрудниками командовать...

Ключи для отпирания сейфа не требовались, достаточно было знать код, и помнил я его как «Отче наш». Вернее, в моем случае лучше, чем «Отче наш».

В сейфе, кроме трех дробовиков, хранились и два нарезных охотничьих карабина. Но к ним я не потянулся. В перестрелке меж четырех стен, на предельно коротких дистанциях, их дальноточность и меткость роли не играют, тут гораздо полезнее оружие, способное несколькими выстрелами крупной дробью или картечью очистить помещение от всего живого... С широким снопом свинца противнику разминуться куда труднее, чем с пулей, выпущенной из карабина.

И я выбрал «Бекас-12МК», на этом помповом дробовике двенадцатого калибра съемный приклад при нужде заменяется на пистолетную рукоятку, и получается компактная и мощная машинка – именно такой вариант и стоял у меня в сейфе.

В доме слышались голоса, раздавался топот ног – похоже, нас пока искали на первом этаже. Чеширский и его «Скорпион» ничем себя не проявляли.

На суету, происходившую внизу, я не обращал внимания. Какие и в каком порядке патроны снаряжены в магазин «Бекаса», я не помнил, но в любом случае их могло не хватить. Я торопливо вскрыл охотничьим ножом, лежавшим здесь же, первую попавшуюся под руку пачку. Дробь «два нуля», сойдет, даже если визитеры упакованы в броники, часть свинца все равно угодит в незащищенные места... Нож во внутренний карман, горсть патронов в один боковой, еще горсть в другой, патронташ брать некогда, он у меня хранился отдельно, с прочим не летальным снаряжением.

Ну вот, теперь можно и пообщаться с гостями, оккупировавшими первый этаж.

Спуститься и исполнить роль гостеприимного хозяина я не успел. Гости поднялись сами...

В гостиной послышался негромкий хлопок. И тут же – короткий крик, я узнал голос Ильзы.

Я выскочил в гостиную. Увидел двух чужаков: серый городской камуфляж, балаклавы с прорезьями. В руках нечто странное: подобия укороченных донельзя базук – стволы короткие, но очень широкие.

Лишь увидев Ильзу, я сообразил, что это за оружие, – Ильза билась как рыба, угодившая в сеть. Потому что действительно была со всех сторон опутана сетью.

Портативный метатель сети... Кто бы к нам ни пожаловал, хозяин и гости нужны были им живыми и невредимыми.

Один метатель был разряжен, и его владелец, переломив свое оружие, запихивал в него новый патрон, размерами и формой напоминавший пивную банку. Второй же широченный ствол без промедления уставился на меня.

Два выстрела слились в один, и грохот «Бекаса» без труда перекрыл хлопок метателя. Стрелял я на ходу, в прыжке, – и развернувшаяся сеть осталась без добычи.

Моему визави повезло меньше. Из «Бекаса» вырвался сноп пропитанного свинцом пламени, ударил его в живот и отшвырнул к стене. Бронежилет он не носил, а патрон оказался дробовым – и серая камуфлированная ткань превратилась в дуршлаг, в решето, быстро намокшее красным.

Он был уже не жилец, такая рана – неразрешимая загадка для хирургов, все внутренние органы разорваны, пробиты, кровоточат... а еще это больно, очень больно. Но парень упрямо тянулся к поясной кобуре. Пришлось истратить на него еще один патрон и еще одно мгновение.

«Бекас» вновь рывкнул. В этом патроне оказалась крупная картечь – головы, обтянутой балаклавой, не стало: огрызок шеи, несколько клочков окровавленной ткани вокруг – и огромная мерзкая клякса на стене, пятно из крови, частиц кости и мозга...

Я вновь метнулся в сторону, поворачивая ствол ко второму противнику и чувствуя, что не успеваю, что он успел отбросить свою дурацкую хлопушку и вытащить боевой ствол.

Но оказалось, что я рано списал со счетов Ильзу. Да, она билась, как рыба в сети. Но на поверку оказалась рыбкой весьма зубастой, натуральной пираньей.

Две извилистые синие молнии соединили балаклаву второго с «шокером» Ильзы. Негромкий треск, резкий запах озона. В отличие от «чечевицы» незванный гость не взорвался – тело его начало изгибаться, изгибаться назад, словно он в этот неподходящий момент решил заняться гимнастикой и изобразить для начала «мостик».

Я промедлил с выстрелом. Для проявления любопытства момент не самый подходящий... Но все же я не мог не посмотреть, что сделает с человеком шутовина, способная уничтожить неуничтожимый кристалл.

Балаклава слетела с головы, словно сдернутая невидимой рукой. Стало видно лицо – искаженное, изломанное. Наэлектризованные волосы торчали во все стороны, как иголки, и с них срывались голубые искры. Появилась кровь – из носа, изо рта, из ушей – сначала капли, затем струи.

Ни крика, ни стона бедолага не издал – и сквозь треск разряда был отлично слышен сырой чмокающий звук, с которым глазные яблоки выскочили из глазниц.

Треск смолк. Запах озона мешался с вонью горелой плоти. Обмякшее тело окончательно завалилось назад и буквально расплзлось по полу, лишь ноги оставались согнутыми в коленях, словно подошвы приплавились к паркету. А может быть, действительно приплавились.

Где-то в доме – я не понял, на первом этаже или на втором, – коротко взвыл «Скорпион», затем еще раз. Чеширский проявил себя... Надеюсь, его появление стало для незваных гостей таким же сюрпризом, как и для меня – давеча, на лужайке.

Я подскочил к Ильзе, контролируя дверь и готовый хлестнуть свинцовой струей по любому, кто в нее сунется. Сунул бывшей в руку нож сквозь ячейки сети, пусть сама освобождается. Сетки для метателей зачастую армируют суперпрочными металлизированными нитями – не порвать, да и сталь только тупится... Но клинок моего ножа керамический, с мономолекулярной режущей кромкой, должен легко вспороть сеть.

Сам поспешил к двери. Снаружи что-то происходило: еще пару раз взвыл «Скорпион», ему ответили несколько одиночных выстрелов. Похоже, гости передумали брать нас живьем. Или же наплевали на приказ, когда речь зашла об их драгоценной шкуре.

А вот мне хоть один из визитеров нужен живым и невредимым... Чтобы побеседовать с ним и разобраться, кто нагрянул и зачем. Не люблю, когда вокруг взрывы и пальба непонятного происхождения... Раздражает.

За дверью на П-образной галерее неподвижно лежали двое, у одного все тот же метатель сети, у второго пистолет с длинным глушителем. Увы, к беседе оба уже не пригодны, даже при срочно оказанной медицинской помощи... Не поможет даже реанимация, не то что моя домашняя аптечка.

Скорострельный «Скорпион» и его аналоги – оружие весьма специфическое. Пульки у этих пистолетов-пулеметов крохотные, калибр менее полутора миллиметров – фактически стреловидные поражающие элементы. Но скоростью обладают огромной и, попав в тело, движутся в нем по крайне поганой траектории – могут зацепить, разорвать сразу несколько внутренних органов.

У двоих, валявшихся у стены, виднелись ровненькие – словно швейная машинка прострочила – цепочки отверстий: у одного очередь прошла наискось через грудь, у второго зацепила еще и живот. Аккуратная работа, не сравнить с «Бекасом», напроочь изгадившим мне гостиную. Но медицина и там, и там бессильна... Внутри у этих столь эстетично выглядящих ребят – кровавый фарш.

Разглядывая мертвецов, я не забывал о ведущей к нам лестнице, направив туда ствол «Бекаса». Но никто подняться по ней не пытался. В боевых действиях наступила передышка.

Подниматься по насквозь простреливаемой лестнице дураков не находилось. Но и спускаться по ней сейчас верх глупости. Ситуация патовая, но противники наверняка что-то придумают, судя по тому, как лихо вынесли взрывом дверь.

Я решил позаимствовать у мертвеца пистолет, все равно ему не нужный. Из дробовика трудно выстрелить филигранно, выведя из строя, но не убив. А я не расставался с мыслью захватить «языка».

Едва коснулся рукояти, услышал тихий-тихий свист. Поднял голову и увидел Чеширского – то, что можно было увидеть: глаза да «Скорпион».

Славик таился на противоположном крыле галереи, отделенный от меня ведущим вниз проемом – на то крыло выходили двери двух гостевых спален. Что-то он пытался мне растолковать, без слов, жестикулируя «Скорпионом», но я не сообразил что.

Едва ли просил пистолет, боеприпасы у него должны оставаться: штатный магазин «Скорпиона» – двести восемьдесят пуль-стрелок, но у Чеширского была специальная модификация, еще более емкая.

Тем временем наши приятели, засевшие внизу, придумали новую пакость – и немедленно претворили в жизнь.

Снизу по красивой параболе взлетел небольшой яйцевидный предмет, завис на долю мгновения в верхней точке траектории и начал падать за балюстраду, туда, где притаился Чеширский.

Однако не упал. Траектория резко изменилась, граната полетела вниз. И взорвалась, не успев коснуться пола.

Кинул к нам подарочек человек хладнокровный и грамотный – метнул с паузой, дав частично прогореть замедлителю запала, чтобы не осталось времени подхватить упавшую гранату и швырнуть обратно. Но Чеширский тоже оказался не валенком сделан: он попросту не позволил гранате упасть, отбил ладонью в воздухе.

Звук взрыва ударил по моим барабанным перепонкам, и без того пострадавшим от «Бекаса» – дробовик двенадцатого калибра в замкнутых помещениях стреляет просто оглушительно, и это не фигура речи.

Короче говоря, я немного оглох, хотелось надеяться, что ненадолго... И появление на галерее Ильзы пропустил, не услышал, обнаружил ее, только когда оказалась рядом. В кобуре у бывшей благоверной, как выяснилось, обитал «Ассасин», а сейчас покинул кобуру и по виду казался боевым. Но гораздо больше надежд внушал ее «шокер»... что она говорила про даль-

нодействие, тридцать метров? Попрошу ее разобраться через окно с «Комбатами» и с теми, кто мог в них остаться...

Потом мы с Чеширским разделимся и возьмем в клещи тех, кто засел на первом этаже. Надо использовать преимущество: все-таки свой собственный дом я знаю гораздо лучше чужаков, те едва ли догадываются, что есть и другой путь, ведущий вниз.

Даже начать исполнять свой план я не успел... Сквозь фантомный грохот, стоявший в ушах, донеслась стрельба. Стреляли внизу и не по нам – длинными очередями, не жалея патронов.

Грохнул подствольник. Раздался дикий истошный вопль, частично заглушаемый выстрелами. Я понял, что в игру вмешалась третья сила. Вмешалась и не церемонилась, попросту выметая огнем первый этаж. Вернулся назад, к окну гостиной: транспорта у коттеджа прибавилось, и на машинах и микроавтобусах красовались хорошо заметные эмвэдэшные эмблемы. А вот два «Комбата» исчезли, словно и не было.

Несколько прибывших в дом не зашли, оставались снаружи, и экипированы они были в тактические боевые комплекты высшей степени защиты, напоминая агрессивных, обвешанных оружием космонавтов...

Доблестные правоохранители. И даже толком не понять, вовремя они прикатили или нет.

Моя попытка выглянуть в окно не осталась незамеченной. Увидев, как вскидывается УОК, я торопливо отпрянул за простенок, и окна у меня не стало – влетело внутрь мешаниной из стекла и свинца, один осколок пролетел по замысловатой траектории, чиркнул мне по щеке.

Стекла у меня стояли безопасные, разрушающиеся на мелкие осколки с закругленными краями, не способные поранить. Но этот почему-то поранил, я почувствовал, как по щеке стекает горячее... Наверное, прилетел небольшой фрагмент рамы или от ricoшетила пуля.

Продолжения я не стал дожидаться, вернулся на галерею. Внизу все закончилось, и не надо было быть провидцем, чтобы понять: сейчас «космонавты» начнут зачищать второй этаж. Выметая огнем всех шевелящихся, а во всех неподвижных всаживая контрольную очередь...

– Не стреляйте! – завопил я что было мочи. – Я хозяин дома! Здесь, наверху, только я и мои гости!

После короткой паузы снизу откликнулся громкий голос:

– Лежать всем, и хозяину, и гостям! Лицом в пол, оружие не ближе двух метров от рук!

Ильза все поняла и вытянулась на полу, оттолкнув «Ассасин» подальше. За ней последовал я, избавившись от «Бекаса» и трофейного пистолета, так и не пущенного в ход.

Уже лежа, глянул на противоположную сторону галереи – как там Чеширский? Ему бы стоило стянуть побыстрее «невидимку». Ладно я, уже привычный, а вновь прибывшие на парящие в воздухе глаза или голову могут отреагировать нервно. Всадят порцию свинца, а уж потом начнут разбираться, где все остальные детали организма...

Однако полюбоваться зрелищем проявления из невидимости не удалось. Как ни вглядывался, никаких намеков на притаившегося человека в «невидимке» не увидел. Возможно, у Славика имелись свои причины не встречаться с правоохранителями, и вполне веские, но размышлять о том было некогда – по лестнице уже грохотали шаги «космонавтов».

Разумеется, нас с Ильзой немедленно упаковали. На моих заломленных назад руках вновь оказался «Иммобилизатор-3д», в просторечии «имка», уже второй раз за сегодня... И это не считая браслета носимого сейфа.

Явно не мой день.

2

– Мы всего лишь собрались попить кофе. С круассанами, – объяснил я и кивнул на дверь, ведущую в гостиную: там, на кофейном столике, как раз на редкость удачно остались лишь две чашки, третью я унес на кухню, решив выплеснуть остывший кофе и заварить новый.

Разговор проходил в моем кабинете, и находились мы там вдвоем: Ильза, я – уже, так сказать, распакованные – и человек, возглавлявший вновь прибывших. Да еще в дверях застыл «космонавт» с УОКом наперевес, но казался неодушевленной деталью интерьера.

Чеширский исчез, ни слуху ни духу. Может, до сих пор прятался в доме, может, сумел покинуть его... Хорошо быть человеком-невидимкой. Хорошо до тех пор, пока никто не догадывается, что ты рядом. Потому что на каждый яд имеется противоядие, а на делающий невидимым комбез – фонари с особым спектром излучения, подсвеченный ими Чеширский засверкал бы всеми цветами радуги. Собственно, по этой причине такой камуфляж не получил широкого распространения в войсках, хотя поначалу был объявлен революционным прорывом в военном деле.

Наверняка у «космонавтов» фонари с ультрафиолетовой составляющей спектра имелись, но пустить их в ход пока никто не додумался.

– Сидим, никого не трогаем, круассаны кушаем, – продолжал я. – Вдруг визг тормозов, подкатывают непонятные люди, и начинается цирк с конями. Для начала взорвали мне дверь, а потом...

– Я примерно представляю, что было потом, господин Заславский, – произнес майор. – Мы еще вернемся к «потом», а пока, с вашего позволения, задержимся на предыстории. Скажите, у вас в обычае тет-а-тетные чаепития с бывшей супругой?

Лицо майора было мне смутно знакомым. Фамилия Карпов ничего мне не сказала, а вот обличье... Майору было лет тридцать пять или чуть больше на вид, и, возможно, мы когда-то пересекались в былые годы. Когда он еще был не майором, а у меня еще имелись погоны на плечах и служебное удостоверение в кармане.

– Мы разошлись, но отношений напрочь не разрывали, – соврал я уверенным голосом. – И пили не чай, а кофе.

– Значит, вы, госпожа Заславская, часто бываете в этом доме? – поинтересовался майор словно невзначай.

Наши с Ильзой документы лежали здесь же, на моем столе, среди коллекции предметов, извлеченных из наших карманов. Но я готов был поклясться, что майор на документы не взглянул, даже не притронулся к ним. Однако знал, как зовут собеседников, имен не спрашивал... Любопытно, правда?

Ильза не клюнула, покачала головой:

– Я первый раз здесь. Обычно встречаемся на нейтральной территории.

– Отчего же сейчас вас сюда занесло?

– А вас отчего? – показала зубки экс-благверная. – Насколько я понимаю, ваша зона ответственности строго ограничена: три километра снаружи Периметра и ни шагу дальше.

Я вздохнул. Ильза, как человек насквозь легальный, могла, наверное, позволить себе так общаться с майором... Мне и самому было любопытно, что делают здесь бойцы, чей шеврон украшен застывшим в прыжке каракалом, сиречь степной рысью. Этот спецназ – не те, кому полагается выезжать после сообщения о стрельбе в уединенном коттедже. «Каракалы» – из охраны Периметра, самая элитная часть быстрого реагирования, созданная на случай локальных прорывов и других вызванных Зоной неприятностей.

Но с моим мутным социальным статусом лучше бы не обвинять в превышении полномочий командира вооруженных людей, наводнивших мой дом.

– У нас по четвергам банный день, мы с ребятами мимо в баню катили, – произнес майор Карпов с каменным выражением лица. – Услышали стрельбу – ну и завернули, любой бы на нашем месте завернул.

Издавается... А глаза у самого добрые-добрые...

И тут же, не меняя выражения добрых глаз, майор добавил к имевшемуся на столе натюр-морту еще два предмета. Два фотоальбома, электронных, разумеется. Небольшой, с ладошку, экран, разрешение паршивенькое – дешевка по нынешним меркам, хотя несколько лет назад такие альбомы казались бы современными, навороченными и стоили бы немало.

– Посмотрите, господа Заславские, любопытные снимочки... Посмотрите внимательно, а потом поменяйтесь. Я думаю, что желание задавать мне вопросы у вас сразу уменьшится.

Я подцепил со стола плоскую карточку – ту, что лежала ближе ко мне. И по первому же снимку догадался, что предстоит увидеть далее...

На снимке был кот, мало похожий на домашнего. Гибридная порода Саванна, поколение F1, то есть больше половины генов от дикого зверя, от африканского красавца-сервала... Поколение F1 и даже F2 никто практически не покупает и не держит в доме для красоты и уюта, лишь заводчики, на племя, а на продажу идут котята поколений F3 и далее, с гораздо меньшей долей дикой крови... Никто не держит, но Папа Карло держал, и Шерхан был украшением его дома... Был. Теперь – на снимке – он лежал на боку в луже крови и живым не выглядел.

На остальных снимках оказался мертвый владелец мертвого кота... Выглядел Папа Карло неважно, не враз и опознаешь. Его перед смертью зверски пытали, причем по старинке, без психотропной химии и прочих гуманных штучек...

Папа сидел на своем собственном, в стиле ампира сработанном стуле с высокой спинкой, примотанный к нему многими слоями скотча, а поверху, для надежности, еще и обвязанный веревкой. Широко открытые глаза неподвижно смотрели куда-то вдаль. Облачен Папа Карло был лишь в брюки. И на его голом торсе, и на лице трудно было найти живое место: ожоги, разрезы, следы не то шипцов, не то плоскогубцев... Под левым соском торчала рукоять ножа.

Пыточный стул был заснят с разных ракурсов, некоторые кадры показывали крупным планом отдельные раны и повреждения. Больше ничего в памяти альбома не оказалось. Лишь этот фотоотчет о смерти не самого плохого на свете человека. И одного из самых красивых на свете котов.

Еще раз быстро пересмотрел все снимки, пытаясь отыскать одну деталь... Но нигде не обнаружил ни маленького бумажного прямоугольника, ни кровавых букв, начертанных на стене.

Однако я почти не сомневался, что Папу прикончила СДУ. Где еще найдешь таких бесребреников? Картины на стенах нетронуты, да и Шерхана нормальные корыстолюбивые убийцы постарались бы забрать с собой – кот был в самой поре и, использованный как производитель, мог принести миллионы – реально миллионы, один котенок Саванны обходится в сумму с пятью нулями.

Папа Карло был гроссмейстером в своем деле и редко ошибался, но сейчас ошибся, и ошибка стала последней. То, что порешили «очень серьезные люди» касательно СДУ, для отморожков ничего не значило. Они играли в те же шахматы, что и Папа, но по другим правилам: когда в цене не гроссмейстеры, а те, кто умеет быстрее схватить со стола шахматную доску и шандарахнуть ею по голове...

Сколько человек отправились в лучший мир вместе с Папой и Шерханом, я не стал спрашивать. Отправились, и не один, – так просто, не перестреляв хотя бы полдюжины людей, к Папе Карло не подберешься.

Мы с Ильзой обменялись альбомами, хотя я подозревал, что окажется во втором, и не ошибся.

Во второй подборке не было кадра с котом породы Саванна, да и вообще тот же сюжет разворачивался в куда более плебейском интерьере. И персонаж был иной – Шмайсер. А в остальном – один к одному: стул, скотч, следы жесточайших пыток... Ни карточки, ни надписи отморозки вновь вопреки своему обыкновению не оставили. Два совпадения подряд случайными быть не могли.

Дав нам время вдоволь насмотреться, майор произнес иезуитским тоном:

– Насколько я понимаю, вы можете подтвердить друг другу алиби на время смерти этих бедняг. Только вы, и больше никто в целом свете.

3

Да, Шмайсер был туповат... И иногда был способен всерьез подставить именно из-за означенного свойства. Случалось со многими, и со мной случалось. Но никогда и никого он не подставил со зла или из корысти. А я, получается, отправил его на лютую смерть. Просто потому, что умом понимал: да, началась игра без правил, – но лишь умом, не прочувствовав на своей шкуре... Зато Шмайсер именно прочувствовал, и именно на шкуре. На своей истерзанной, изрезанной, обожженной шкуре.

Странно... Со смертью Папы Карло и я, и вся наша далеко не дружная сталкерская компания потеряла гораздо больше. Лично я, возможно, еще и приобрел головную боль – если Папа не успел отправить адресатам мое сокровище и оно сейчас опечатано вместе с остальными вещдоками. Или если все же СДУ изменила своим бескорыстным принципам.

Все так, но смерть Шмайсера меня зацепила больше.

В конце концов, Папа был взрослым человеком, сам выбрал свой путь и мог за себя постоять, и не моя вина, что в этот раз не сумел.

А в Шмайсере до сих пор оставалось нечто детское, нечто от того плечистого, но пухлощекоего юнца, что когда-то сунулся в Зону с выкопанным и восстановленным автоматом «МП-40» на груди – сунулся и вернулся лишь невероятно счастливым стечением обстоятельств. А еще Шмайсер не догадывался, чем ему грозит исполнение моей просьбы...

Я не чувствовал угрызений совести. Что толку грызть себя за то, что уже не поправишь.

Но решил: отложить намечающийся рейд никак не возможно, однако если Зона отпустит и в этот раз, по возвращении займусь СДУ. Не бойцами, подобными тем, что сегодня нашинковали и мы, и люди майора. Попробую добраться до головки, до верхушки. А если сумею, то... Тогда и поглядим.

За всеми этими мыслями я почти не слушал майора, хотя излагал он вещи, напрямую меня касавшиеся. Улик, оказывается, имеется против нас с Ильзой вагон с тележкой. Меня видели и с Папой Карло, и со Шмайсером буквально перед самой их лютой смертью, и отпечатков моих обнаружено в их жилищах в количестве и ассортименте. Майор, без сомнения, врал – а то я не помню, с какой скоростью проводят у нас экспертизы... Он знал наверняка, что мои отпечатки и там, и там есть, и блефовал без страха быть пойманным на лжи.

Ильза тоже умудрилась засветиться неподалеку от дома Папы. Имелись сделанные с полицейского вертолета снимки – просто так сделанные, в ходе рутинного контроля трассы. Но потом, когда возникла нужда и отснятые материалы начали изучать, обнаружили зарегистрированную на Ильзу машину. Причем держалась она как приклеенная за «Мановаром» Шмайсера. Возможно, Ильза могла возразить, что спалилась в ходе слежки за мной, благо моя «Гарпия» катила там же. Могла, но не стала.

Приличного алиби мы не имели – пока тех двоих бедолаг потрошили, Ильза потрошила мой компьютер, а сам я лежал в отключке, ну а потом состоялось безумное кофепитие и все последовавшие за ним визиты...

И майор намекал прозрачно: нам с Ильзой как весьма подозрительным личностям подписка о невыезде не светит, а светит СИЗО до окончания расследования. В пограничных с Зоной районах действует особое положение, и прокуратура утверждает запросы Управления Периметра автоматически, не вникая в суть дела. Что, что? До Периметра три десятка километров? Так прокатимся, дело недолгое, там и оформим задержание... Если, конечно, в дороге мы с Ильзой не попробуем сбежать... Отчего-то ему, майору, очень кажется, что мы склонны к побегам. Тогда уж, понятное дело, придется пресекать огнем на поражение. Разумеется, его люди будут целиться в конечности. Но ведь пуля, как известно, дура.

Майор беспардонно мешал правду, полуправду и откровенный блеф. Но, на его беду, методы словесной обработки задержанных и подследственных мы с ним изучали в одном месте... К тому же говорил майор без огонька, словно бы отрабатывал обязательный номер, ничуть не интересуясь его успехом у публики. И некоторые вещи его словно бы не интересовали, хотя, по идее, непременно должны были заинтересовать.

Например, он наверняка видел мертвецов, убитых из «Скорпиона». Однако ни словом не поинтересовался, где сейчас это оружие и его владелец. А ведь мог сделать кое-какие выводы из моего крика о хозяине и гостях – гостя чуть позже обнаружилась всего одна, где остальные?

И странного вида приборы, извлеченные из карманов и кармашков разгрузки Ильзы, майора Карпова словно бы не интересовали. Дескать, и не такое повидал...

Но с душой он обвинял или нет, на обвинение надо было как-то ответить.

И я поинтересовался: а не попутал, часом, господин майор жертв преступления с преступниками? Не пришло ему случайно в голову, что здесь, в моем коттедже, он мог обнаружить еще два изуродованных тела, примотанных скотчем к стульям? Тела, принадлежавшие при жизни мне и Ильзе? Метатели сети, например, его на такую мысль не навели?

– Вы хоть кого-то взяли живым здесь, в доме? – наседал я. – Не нас, разумеется, – нападавших?

Майор ответил отрицательно. Крепкие, дескать, орешки оказались, все до одного легли, не желая сдаваться.

Ну да, ну да... Я, конечно, в подробностях за столкновением не наблюдал, но судя по звукоряду, сдаваться никто никому не предлагал, зачищали жестко, выметали огнем первый этаж подчистую.

– А их машины? «Комбаты»?

– Увы... Не стали нас дожидаться, и тех, кто был в коттедже, попросту бросили. Напрямик рванули по бездорожью, мои ребята немного постреляли вслед, но обе тачки оказались в исполнении «Б». В общем, ушли с концами.

Все чудесатее и чудесатее... Исполнение «Б» – значит машины оказались бронированные, но дело совсем не в том. Майор говорил так, словно авиацию вообще и вертолеты в частности еще не изобрели. Или словно над Ленинградской областью внезапно ввели бесполетную зону. И притом его как будто бы совершенно не заботило, как мы с Ильзой отнесемся к нелепым выдумкам...

А затем майор демонстративно извлек из нагрудного кармана диктофон-мизинчик, столь же демонстративно его отключил.

– Кстати, господин Заславский, – произнес майор с широкой и доброй улыбкой, – повторите еще раз, что вы говорили о местонахождении артефакта под названием «Коалотриггер»?

Глава 4

Купчино – Стеклоанное Поле

1

В Зону мы попали через Купчинский проход – через самую известную из существующих «калиток», то есть брешей в системе защиты. Разумеется, брешь здесь весьма условная. На самом деле ее очень даже контролируют, ибо понимают: стихийный процесс, который остановить невозможно, лучше держать под присмотром.

Питерская Зона особая, это не чернобыльские леса и пустоши и не хармонтские свалки и фабрики-призраки. Здесь Зона – то, что осталось от некогда столицы Империи... Столицы, которую, на минуточку, НИКОГДА не брали приступом, не грабили и не поджигали, уходя, враги, в отличие от той же Москвы, где в свое время вволю порезвились и татары, и поляки, и французы, не считая участников всевозможных чумных, соляных, медных и прочих стрелецких бунтов – те хоть и были свои, но грабили и жгли не хуже зарубежных супостатов.

На богатства, что стекались в северную столицу со всей Империи, потом со всего Союза, потом со всей Федерации, находилось много алчных претендентов-завоевателей. Но никому ничего не отломилось, невзирая на чью-то мысль: глупо, дескать, размещать сердце державы под кончиком ногтя...

А потом случился Прорыв. Враг ворвался в город не снаружи – изнутри. Эвакуацию власти провалили, хотя грех их винить, кто ж загодя составляет планы в расчете на такое... В сорок первом справились ничуть не лучше, хотя враг подбирался к городу извне и медленно, почти на месяц застряв на Лужском рубеже, и все вокзалы функционировали, и все ведущие на восток трассы были свободны...

При Прорыве же все было много хуже. Вся инфраструктура, необходимая для плановой эвакуации, накрылась разом. Вместе с теми, кто был по долгу службы обязан эвакуацией руководить. Люди спасали себя сами – и рванули из Питера. Сажали в машины семьи, кидали в багажник самое ценное, выезжали – и упирались в армейские и полицейские блокпосты, оцепившие стволы, наглухо перекрывшие все въезды-выезды.

Все магистрали, уводящие из города, были забиты многокилометровыми пробками... Они до сих пор забиты – машины, плотно забившие дороги, так и ржавеют, никуда не делась. Ну а их водители и пассажиры... Кому уж как повезло. Кто-то просачивался пешком, пока не перекрытыми окольными тропами, кто-то лез штурмовать кордоны – иногда прорывались без стрельбы, не все из стоявших в оцеплении оказались готовы стрелять в людей. Иногда первые ряды ложились под пулями, остальные шли по их телам...

Разное случалось в те дни с людьми. Но то люди... А материальные ценности сами себя спасти и эвакуировать не умеют. И сокровищ самого разного плана осталось в погибшем городе с избытком. Недаром сюда подтянулись сталкеры с других Зон, почуяв хабар иного уровня: не только и не просто загадочные артефакты, имеющие крайне узкий рынок сбыта...

В нашей Зоне лежали все сокровища мира – все, какие только можно придумать. И чтобы найти их, не обязательно пробираться к Эрмитажу по смертельно опасному лабиринту Центра, усеянному трупами искателей легких богатств... Сокровище может найтись где угодно. Даже в предзоннике – когда бежавшие люди уносили самое ценное, это не всегда бывали деньги, лежавшие под сахарницей на расходы, да горсточка дешевых колец-цепочек-сережек из шкапулки... Например, два полотна «малых голландцев», украсивших гостиную покойного Папы Карло, я добыл из заурядного внедорожника «Чероки», пытавшегося при стихийной эвакуации

объехать пробку на Киевском шоссе, застрявшего в болотце и дождавшегося там стаю Прыгучей Смерти...

Случались и другие интересные находки на периферии. Пытались покинуть город в те страшные дни далеко не все. Кто-то запирался в квартирах, надеясь, что все образуется и устанутся. А кто-то бежал громить под шумок магазины, в том числе и ювелирные, но долго пользоваться награбленным им не довелось.

Сокровищ в мертвом мегаполисе хватало. Но желающих поживиться ими было еще больше, и отнюдь не все из них желали рисковать, отправляясь в Зону. Нигде и никогда вокруг Зон Посещения не разворачивались такие масштабные криминальные войны, как под Питером. Эпопея со Службой добрых услуг – лишь эпизод тех войн, пусть и примечательный своей жестокостью и кровавостью.

«Калитки» появились на свет как попытка хоть как-то ввести в берега кровавый хаос. Проход сквозь них был платный. За вход брали фиксированную таксу, небольшую. За выход – десятую часть от хабара. Зато имелась гарантия – на выходе не пристрелят и не отберут всю добычу. Не стопроцентная гарантия, если честно... Добыча могла случиться такая, что за нее и святой оскоромится, а контролировали «калитки» люди, далеко уступавшие святым по моральным качествам.

Сквозь «дикие дырки», или просто «дырки», проникнуть в Зону и покинуть ее можно было бесплатно – тем, кто о «дырках» знал, разумеется. Но произойти там могло всякое – и при входе, и при выходе...

2

Сквозь Купчинскую «калитку» в Зону мы прошли вчетвером – я, Ильза, старина Чеширский и майор. Вчетвером – если не считать отделения «каракалов», числом одиннадцать бойцов, сопровождавших своего командира.

Спецназовцы, кстати, оказались достаточно странные. Нетипичные. Ни один и ни разу не то что не снял шлем – даже не поднял на нем затонированный щиток из бронестекла. Лиц их я не видел, голосов не слышал... Не бывает так. У нормального человека поднять щиток за несколько часов всегда найдется причина. Глотнуть воды из фляги захочется... Покурить... Нос, в конце концов, зачесется.

У этих ничего не чесалось. И жажды они не испытывали. Вообще. Фляги висели у «космонавтов», где положено по уставу, но и только.

Мне слишком часто доводилось и командовать бойцами спецназа в прежние времена, и враждовать с ними в последние годы, чтобы оценить такое небывалое поведение людей майора. Поневоле закрадывалось подозрение, что они не совсем люди: или киборги, или терминаторы, или роботы, или свой вариант, почерпнутый из фантастических блокбастеров...

Многочисленность нашей компании меня совершенно не радовала. Зона не любит, когда по ней бродят большими и шумными толпами. Ну, допустим, наша-то компания шумной не была: «каракалы» если и общались меж собой, то исключительно по встроенным в шлемы рациям. Но пятнадцать человек... Запредельное число для экскурсий по Зоне. Оптимальная группа – трое. Четверо или пятеро – тоже допустимо. Но шестнадцать... Я предпочел бы двигаться в одиночку. Одинокие путешествия рискованны, но мне не привыкать. Но если в Зону поперлись полтора десятка человек, о риске говорить уже не приходится. Это не риск, это целенаправленное вызывание огня на себя.

Значит, иначе никак для майора нельзя, значит, зачем-то бойцы майору нужны. Но зачем в таком количестве, я не мог взять в толк. Чтобы обеспечить паритет и даже преимущество в любых столкновениях со мной, с Ильзой и Чеширским, хватило бы троих или четверых «космонавтов». А остальные? Опасности в Зоне чаще всего такие, что лишний десяток стволов лишь навредит.

Может, майор предусмотрительно запасся грузчиками для выноса Триггера? Хм-м-м...

Или предвидит столкновения с конкурентами, тоже двинувшимися в немалом количестве? Еще раз хм-м-м...

На все мои возражения, произнесенные вчера, в коттедже: такой оравой, дескать, будет идти опаснее, чем троим-четверым, – майор отвечал, что втроем мы можем попытаться попасть в камеру СИЗО, но не факт, что попадем. Можем и скончаться от огнестрела при попытке побега. А в Зону пойдем, как он сказал.

Началось же все с того, что майор отключил диктофон и почти дословно процитировал мою фразу про Коалотриггер. А затем сразу, не дожидаясь ответа, поинтересовался приборами Ильзы, живописно разложенными на моем рабочем столе.

3

– Это опытные образцы техники, разработанной в нашем НИИ, – не задумываясь, ответила Ильза, у нее хватило времени на придумывание любых объяснений.

– Я вообще-то и не сомневался, – сказал майор. – Вопрос в другом: у вас, разумеется, есть разрешение на их вынос за пределы института?

Тон его подразумевал, что ничего подобного у Ильзы иметься не может по определению. Но Ильза сумела удивить, причем не только майора, но и меня.

– Разрешите? – Она потянулась к небольшой папке формата А5, лежавшей среди ее вещей; судя по толщине, папочка была туго набита бумагами.

Чего там только не было... И опись приборов, разрешенных к выносу, с названиями и инвентарными номерами, и бланки протоколов полевых испытаний на каждый из них, и заверенные сертификаты, свидетельствующие, что оные испытания, по мнению науки, будут совершенно безопасны для мирных жителей, невзначай оказавшихся поблизости.

Но странное дело, чем больше документов предъявляла Ильза, тем сильнее крепло у меня подозрение, что все ее бумаги – фальшивки.

Подозрение мое окончательно превратилось в уверенность, когда среди документов обнаружилось разрешение испытывать один из приборов не где-то, а непосредственно в РОР – то есть в районе особого режима, попросту говоря, в Зоне.

Я не один год занимался опекой зоноведческой науки – опекой там, на переднем крае. И хорошо знаю, как проводятся подобные испытания: отнюдь не одинокой кандидаткой наук в сопровождении одинокого телохранителя Чеширского. В Зону – в самые ее безопасные, периферийные районы – прискакала бы под усиленной охраной целая орава научных деятелей, включая не имевших никакого отношения к разработке прибора. И них, у яйцеголовых, весьма ценится небольшой значок, свидетельствующий: его носитель побывал в Зоне. Не то значок и удостоверение к нему дают преимущества при начислении пенсии, не то еще какие-то полагаются за него бонусы... Короче, желающих заработать эту висюльку хватает с избытком.

А тут одинокая экспериментаторша с одиноким лаборантом, по совместительству телохранителем... Не бывает.

Жемчужиной Ильзиной коллекции и вишенкой на торте оказался договор подряда. Он, как выяснилось, подряжал не кого-то, а именно меня – в качестве лаборанта и помощника Ильзы в упомянутых испытаниях, проводимых в РОР.

Едва лишь речь зашла об этом документе, я подался вперед, внимательно в него всматриваясь. И узрел закорючку, весьма и весьма напоминающую мою подпись. Лихо...

Документы лежали на столе, как разложенный пасьянс. Или как небьющаяся комбинация в покере.

Неизвестно, что подумал насчет бумаг Ильзы майор. Но произнес он вот что:

– Я, собственно, и был уверен, что все разрешения у вас, Ильза Николаевна, в порядке. Потому что сам получил сегодня предписание сопровождать вас в РОР и оказывать всестороннюю помощь как в обеспечении безопасности, так и в проведении исследований.

И он предъявил свою бумагу, одну-единственную. Выглядела она в сравнении с документами Ильзы как замызганная Золушка на фоне благоденствующих сестер. Текст был написан от руки на потрепанном бланке, словно бы давно болтавшемся без дела среди прочих бумаг, печать оказалась лиловая и несколько размытая.

Я готов был поставить на кон все сокровища мира против стреляной гильзы, что получил свое предписание майор не ранее, чем полчаса назад, после того, как изучил содержимое Ильзиной папки. Самолично состряпал на коленке, пока мы лежали, плотно упакованные.

И тем не менее его замусоленная шестерка разом побила всех тузов, включая вытащенных из рукава. Ильза не могла объявить майорскую бумагу фальшивкой, не могла проверить ее, связавшись с НИИ: мало того что ее документы тоже не отличались излишней подлинностью, родной институт скорее всего даже понятия не имел, где сейчас обретается его блудная дочь.

Ильза могла только кривить губы и свирепо поглядывать на майора. Чем и занималась.

Майор довольно улыбался, словно кот, удачно слямзивший из холодильника связку сарделек. Затем спросил у Ильзы:

– Вы можете связаться с вашим невидимым другом и пригласить его сюда? А то он залег тут неподалеку и держит моих ребят под прицелом. Бойцы у меня выдержанные, но когда в них долго целятся, начинают нервничать. Могут и изрешетить невзначай.

В ответ Ильза произвела на свет непередаваемый звук – нечто среднее между шипением атакующей змеи и рычанием разъяренной пантеры.

4

Туман был густой и липкий, хоть режь ножом и намазывай на хлеб. Видимость метров десять-пятнадцать, не более, и тело в пятнистом камуфляжном комбинезоне мы заметили, лишь подойдя почти вплотную.

Голова у лежавшего ничком человека отсутствовала. Он казался погибшим сегодня, самое позднее вчера вечером, – лужица крови, натекая из огрызка шеи, не успела окончательно почернеть, сохраняла красноватый оттенок. И пятнистый камуфляжный комбез казался новеньким, вчера лишь купленным и надетым...

Хотя...

Я посмотрел вперед – там, шагах в трех, лежала недостающая деталь организма. Руки у трупа были вытянуты к ней, как у ныряющего «ласточкой», словно последним желанием бедняги было схватить голову и приладить на место. Увы, даже удайся ему такой трюк, голова для дальнейшего использования не годилась – впереди скалился голый, лишенный плоти череп, сохранивший лишь несколько клочков волос.

Волосы показались знакомыми... Кстати, камуфляж тоже. Ну да, именно этот пацан – приметный, рыжеволосый – отоваривался вчера в лавочке Папы Карло. И покупал как раз этот комплект камуфляжа: приметный, не по сезону, подходящий расцветкой скорее для осени и оттого продававшийся с большой скидкой. Даже два комплекта, потому что отоваривался рыжеволосый паренек совместно с девчонкой-ровесницей... Небось и сюда поперлись вдвоем, идиоты.

Останков девчонки рядом не видно. Подходили мы тихо, и не исключено, что она жива – сидит и дрожит от страха где-то совсем рядом, в полусотне метров.

Пока я опознавал своего мимолетного знакомого, майор выставил охранение, разослав в стороны и «космонавтов», и Чеширского с Ильзой, и правильно сделал: стоять кучей у трупа в условиях почти нулевой видимости все равно что играть в орлянку с судьбой – пронесет или нет. Вернувшись к телу, майор уверенно констатировал:

– «Мозгожорка» поработала.

– Угу, – подтвердил я очевидное.

Находились мы территориально вроде и в Зоне, а на деле окружающую местность даже предзонником назвать было трудно. Так уж расположен Периметр: слишком удобна оказалась бывшая КАД в видах организации охраны, обороны и быстрого перебрасывания подкреплений в места потенциальных угроз, и кое-где внутри Периметра угодили достаточно безопасные районы.

Здесь был как раз такой, и даже человеку с нулевым опытом трудно тут напороться на что-либо опасное, но рыжеволосый сумел-таки... «Мозгожорки» любят забредать далеко от своих лежищ, но справиться с ними легче легкого, если знаешь как. Рыжий или не знал, или позабыл от страха и растерянности все свои сугубо теоретические познания.

Майор перевернул безголовое тело, осмотрел. Вся снаряга под стать комбинезону – новенькая, с иголки, прямиком из магазинчика «Все для самоубийц». Из-за пазухи торчал угол какой-то бумаги, майор вытащил, присмотрелся... Хмыкнул и протянул мне.

Ну да, конечно... Карта Московского и Фрунзенского районов. Причем даже не из тех, что продают разные мутные личности, – бесплатная, скачанная из Интернета. Платные на самом-то деле столь же бесполезны, но штрих весьма характерный, свидетельствующий, как безалаберно рыжий дурачок готовился к самоубийству...

На карте были отмечены – кто бы сомневался – ювелирные магазины, отделения Сбербанка, филиалы и офисы других банков, возле некоторых красовалось стилизованное изобра-

жение сейфа: дескать, обрати особое внимание, здесь имелись банковские ячейки для хранения ценностей клиентов.

Состряпать такой путеводитель мог любой, подняв рекламную и справочную информацию времен, предшествовавших Прорыву. Но имелось и ноу-хау: были нанесены опасные места, тоже отмеченные стилизованными фигурками, внизу растолковывалось, какая что означает.

Здесь источники информации были еще проще: потолок, палец и буйная фантазия автора карты.

Для того чтобы это определить, даже не требовалось самому ходить в Зону... Достаточно взглянуть на использованный составителем карты термин «комариная плешь». Не летают комары над местами с аномально высокой гравитацией, и другие насекомые не летают... Так что не бывает «плешей» ни комариных, ни мушиных, ни каких-нибудь еще «кузнечиковых»... Лживый термин, позаимствованный автором лживой карты у авторов не менее лживых книжек...

Он, автор карты, мог обитать за тысячи километров от Питера, но вот измыслил, сотворил и выложил в Сеть этакое чудо, немного подняв посещаемость своего сайта... Дело безобидное, ни под какую статью УК не попадающее... Но я бы, имей на то власть, такие бы сайты прикрывал. И их владельцев и авторов контента прикрывал бы тоже, от трех до восьми, как за пособничество в убийстве. Не люблю, когда на пути попадаются безголовые трупы.

Я вернул карту майору, а он – мертвецу. Листок перевернулся, спланировал, упал рядом с телом.

Затем майор вдруг передумал: нагнулся, поднял и скомкал лист, поднес к нему зажигалку... Я не возражал, хотя лишний раз разводить огонь в Зоне нельзя. Но пускай, места, в конце концов, пока относительно безопасные. И впрямь не стоит оставлять эту бумажонку, Купчинская «калитка» недалеко – вдруг еще один дурачок отыщет листок и поверит в высанные из пальца «опасности»?

Карта горела на земле маленьким костерком. Я с любопытством наблюдал за дальнейшими действиями майора: прямая обязанность его как офицера службы Периметра сделать снимки, запротokolировать находку, затем по возможности эвакуировать – от Периметра мы отошли всего ничего, даже радиосвязь еще работает, хотя уже с перебоями.

Но майор никаких попыток приступить к стандартному алгоритму не предпринял... Что наводило на размышления. Я попробовал зайти с другого фланга.

– Где-то здесь может бродить его подруга, – сказал я майору. – Они шли вдвоем... Такая же юная и зеленая.

Подтекст мог услышать даже самый тупой служака: девчонку надо бы найти и вытащить, пусть и не отвлекаясь от главной задачи, пусть отрядив для того пару-тройку «космонавтов».

Майор Карпов тупым служакой не выглядел. Но подтекст предпочел не услышать.

– Не повезло ей, – только и сказал он.

И следующей своей репликой решительно закрыл тему о юных сталкерах-неудачниках:

– Мне кажется, Лорд, пора сделать еще одно определение.

Из господина Заславского я превратился в Лорда сразу, едва мы пересекли Периметр. Оно и правильно, в Зоне нет товарищей и господ, в Зоне есть живые и мертвые, и, чтобы не угодить до срока из первых во вторые, лучше в критических, да и вообще в любых ситуациях обращаться к спутнику коротко, не тратя время на проговаривание «господина Заславского».

– Сделаем, – согласился я и потянулся за Пеленгатором.

Из тумана выплыла Ильза. Неодобрительно поглядела на догорающую карту и произнесла:

– Мальчики, вы надолго застряли у этого натюрморта? Может, мне установить пока палатку?

Мальчиками она называла меня, и майора, и Чеширского, когда обращалась к двоим или к троим зараз. Едва ли майору такое обращение нравилось, но недовольство он никак не проявлял. Не проявил и теперь, приказал спокойно и холодно:

– Вернитесь на свое место. Когда мы двинемся, вас позвать не забудем.

Ильза бросила быстрый взгляд на Пеленгатор, который я как раз расчехлял, и удалилась в туман.

Я извлек Пеленгатор из чехла, пристыковал коротенький проводок к своему биометрическому браслету. Майор вздохнул, стараясь сделать это незаметно. Ему наверняка очень хотелось заполучить в свое распоряжение устройство. Но заполучить-то он мог, да только на том бы все и завершилось...

Перед тем как припрятать Пеленгатор в «закладке», я настроил прибор на себя, на свои биометрические параметры, а настройки у него одноразовые, я специально оговаривал этот момент с разработчиками, на другого человека не перенастроить. И с того момента прибор может работать лишь в моей руке, а в чужой станет бесполезным сочетанием металла, пластика и полупроводников. По-моему, вполне разумная предосторожность, когда владеешь уникальным прибором, стоящим дороже, чем его макет в натуральную величину, отлитый из чистой платины.

Процесс пеленгации не затянулся, направление осталось примерно прежним, северо-восточным. Расстояние до источника возмущений определить не удавалось, и вычислять его примерное положение приходилось, пеленгуя с разных точек и смотря, где пересекаются линии пеленгов. Что же касается природы пеленгуемых возмущений... честно говоря, объяснения Коалы, да еще данные на английском, я не понял, не хватило ни образования, ни знания языка.

У Пеленгатора имелся крохотный экранчик, откидывающийся сбоку, но для выведения на него карты он годился плохо. Я скинул данные на планшет, и мы с майором смогли рассмотреть примерное положение пеленгуемого объекта.

– Берег, в районе Угольной гавани... – задумчиво сказал майор.

– По-моему, дрейфует в сторону Центра... – сказал я не менее задумчиво и вывел на экран результат, полученный в результате предыдущей пары пеленгаций.

Синее пятнышко и впрямь сместилось вдоль берега Залива... Или не сместилось, и так лишь казалось в результате погрешностей измерений, поди пойми.

Затем мы перенесли результат на бумажные карты, сразу на две – на мою и на майорову. Картплоттеры, как и прочая электроника, в Зоне работают непредсказуемым образом. Вернее, непредсказуем их автономный режим, связь со спутниками отсутствует как класс. Иногда после очередного длительного отключения память прибора оказывается девственно чиста, и приходится пользоваться старыми добрыми бумажными картами.

Кстати, я мог заказать картплоттер, защищенный от проявления физических аномалий не хуже, чем Пеленгатор, и даже хотел заказать, но, узнав цену, передумал.

– Можно вернуться за Периметр и попробовать зайти вновь через Казачью «калитку», сократим путь вчетверо, – предложил я не совсем всерьез, желая проверить реакцию майора Карпова.

Майор вздохнул и одарил меня долгим задумчивым взглядом. Словно размышлял, на каком этапе путешествия надлежит вычеркнуть мою персону из списков соискателей Триггера... Вздохнул еще раз, решив, очевидно, что до подходящего момента нам еще шагать и шагать... И сказал коротко:

– Я знаю о существовании Горки. Ведь вы, Лорд, хотели проверить именно это?

– Грешен, хотел... Понаслышке знаете?

– Не только... Приходилось, знаете ли, бывать в Зоне. Служба такая.

Да я, собственно, и не сомневался... Людей, не раз бывавших в Зоне, можно опознать по многим признакам, непосвященному совсем незаметным. Ну, например, по тому, как они

шнуруют «берцы»... И я не сомневался, что в Зоне майор бывал, и скорее всего не только на периферии и со служебными заданиями, что для офицеров службы Периметра дело привычное.

Но я подозревал, что майор Карпов мог и в личное время ходить в Зону, неформально. В качестве хобби. Разные хобби случаются у людей, даже у майоров, почему бы не быть и такому?

А вот Славик Чеширский, напротив, всеми своими действиями и повадками доказывает, что он отличный боец, настоящая машина смерти. И если в огневых контактах я мог бы еще попробовать с ним потягаться, то в рукопашке – без шансов.

Однако во всем, что касается Зоны, Чеширский такой же дилетант, как и наивный рыжеволосый дурачок, лишившийся головы. И надлежит взять этот факт на заметку на будущее – если доведется померяться с Чеширским силами, все опасные порождения Зоны станут невольными союзниками.

Но покамест будущее остается будущим. А в настоящем мне станет очень неудобно, если я останусь без Чеширского и Ильзы, лишь в компании майора и его «космонавтов». Обратный вариант тоже не устраивает – что может учудить сладкая парочка без майора и спецназовцев, я уже проходил. Останусь без кофе и круассанов как минимум. Как самый-самый минимум...

Вывод прост: и тех, и тех спутников я должен пока беречь. А они должны беречь меня и будут, без сомнения, беречь. Хотя друг от друга майор с Ильзой избавились бы, полагаю, с преогромным удовольствием, чтобы иметь дело только со мной, играя притом первую скрипку. Стремления, расчеты и планы бойцов-«каракалов» и Чеширского можно в расчет не принимать, они игроки не самостоятельные.

Такие вот сложные отношения складываются в нашем треугольнике, отнюдь не любовном... Чую, впереди много интересного.

Глава 5

Стеклянное Поле – Средняя Рогатка

1

Битое стекло громко хрустело под подошвами. Больших и малых осколков было столько, что почва из-под них не проглядывала.

Место так и называлось – Стеклянное Поле, и безголового дилетанта мы нашли неподалеку от его границы. Откуда здесь взялось столько стекла, никто не знал, да и не ломал особо голову на фоне прочих чудес и загадок Зоны. Взялось и взялось, может, прошелся смерч над каким-нибудь стеклозаводом, да и засосал своей воронкой подготовленную к отправке продукцию. А именно здесь воронка извергла захваченное, и получился такой вот совсем не Канзас, как сказала одна маленькая девочка своей маленькой собачке...

Шагать было тяжело. А поскользнуться на стекле и рухнуть, проехавшись по острым осколкам, – легче легкого. Наша бравая компания двигалась медленно и неуклюже, как стая уток, бредущая к полынье по скользкому льду. А саундтрек нашего продвижения слышен был с другого конца Зоны. Ну или по меньшей мере с другого конца Стеклянного Поля, а оно не маленькое.

И все-таки я выбрал именно этот путь к Средней Рогатке, и майор не стал возражать, а он был среди нас единственным, чьи возражения имели бы цену.

Потому что справа находилось болото. Даже не просто находилось – разрасталось в последние годы как раковая опухоль и достигло границ Стеклянного Поля. Я понятия не имел, чем болото грозит забредшим на него, и не имел желания тратить время на исследование вопроса. Чем-нибудь да грозит, лучше обойти стороной.

Слева к Полю примыкали руины «Самсона», и там, по слухам, недавно обосновалась колония Красных мутантов. Первым весточку о том принес Крокус, а он был не дурак соврать, но потом и другие подтвердили.

Вообще-то Красные мутанты достаточно безобидны, по-настоящему опасные существа держатся ближе к Центру... Относительно, конечно, безобидны, лишь в сравнении с мутантами Белыми, они же Слизни, и особенно с мутантами Желто-синими, те среди псевдоживых существ, сотворенных Зоной из бывших жителей города, самые вредоносные и опасные. Разумеется, «космонавты» проложили бы нам огнем дорогу через «Самсон», но мне не хотелось потратить время, боезапас и получить взамен стаю жаждущих мщения мутантов на хвосте...

...Время от времени мы останавливались и прислушивались. Тишина, едва смолкали наши оглушительные шаги, стояла мертвая. Продвижение через Стеклянное Поле имело и свое преимущество: никто, движущийся по земле, не мог подобраться к нам в тумане бесшумно и незаметно.

Честно говоря, у меня имелась слабая надежда услышать в минуты тишины окликающий нас девичий голос... Но, очевидно, подруга рыжеволосого горе-сталкера сюда, на Поле, не забрела.

Хочется надеяться, что она быстро и относительно безболезненно утонула в болоте, а не принимала долгую и мучительную смерть от лап Красных мутантов... Вернуться по своему следу к «калитке» девица не могла, мы бы ее непременно встретили или хотя бы заметили – местность между Периметром и стеной тумана открытая, не спрячешься.

Печально, но факт: девушка умерла. И вместе с ней умерла моя надежда разом сделать два полезных дела – спасти невинную жизнь и уменьшить число «космонавтов» на пару единиц:

я был уверен, что майор не потащит ненужную обузу с собой, и надеялся, что не бросит ее здесь одну без помощи, отправит в сопровождении пары бойцов к «калитке», ну а я уж постараюсь сделать так, чтобы те нас не догнали... Но, видимо, не судьба.

Все, имевшее начало, когда-то заканчивается. Закончился и наш путь по Стеклянному Полю – граница была резкая, как шрам от бритвы: достаточно сделать шаг со стеклянного сугроба, и все, дальше чистая земля, и не поблескивает на ней ни единой стекляшки. Как будто призраки дворников-таджиков каждое утро трудолюбиво машут призрачными метлами, сметая стеклянный мусор в призрачные совки...

Вместе с опостылевшим стеклом закончился и не менее опостылевший туман. Не совсем исчез, но видимость составляла теперь не менее полутора сотен метров. Что не могло не радовать, до опасных по-настоящему мест еще шагать и шагать, но и на Средней Рогатке, куда мы приближались, можно напороться на всякое... Предзонник здесь заканчивается. Начинается Зона.

Пейзаж вокруг сменился. Вместо пустошей начиналась застройка, частично лежавшая в руинах, – достаточно редкая и не жилая.

Прежде чем двигаться дальше, передохнули, устроили двадцатиминутный привал, ходьба по ломающемуся и скользкому под ногами стеклу преизрядно вымотала.

«Каракалы» были вышколены на славу – тут же, без команды, растянулись кольцом, направив УОКи во все стороны, и наша четверка оказалась в центре круга.

Майор стянул шлем, закурил. Он, похоже, был единственным курильщиком в нашей компании, но не заядлым, с момента пересечения Периметра эта сигарета оказалась первой.

Чеширский присел на землю с абсолютно равнодушным лицом. Казалось, ему было все равно – отдыхать или идти без остановки дальше... Свою «невидимку» он стянул, от порождений Зоны та все равно не спасет, и стал несколько более похож на человека... Именно что несколько. Ростом и габаритами он скорее напоминал тролля, или огра, или иное человекообразное мифическое существо, славящееся размерами и силой.

Дара речи Чеширский был лишен от слова «совсем». Либо, если такой дар все же имелся, человек-огр тщательно скрывал его наличие. На обращенные к нему слова реагировал либо жестами, либо мимикой, либо вообще не реагировал. Субординацию в нашей команде Чеширский понимал своеобразно: команды мои или майора выполнял лишь после того, как их дублировала Ильза. Полагаю, если с ней что-то случится, мы лишимся не одного, а сразу двух спутников: Чеширский, не получая новых команд, дальше не пойдет, навеки застынет над телом нанимательницы, как памятник самому себе, и станет новой достопримечательностью Зоны.

Тем временем нанимательница, не догадываясь, что я размышляю о ее будущей печальной судьбе, стянула с головы армейскую «флору» – роскошная копна волос немедленно рванулась наружу, она и до того постоянно выбивалась то с одной стороны, то с другой.

Ильза тяжело вздохнула и начала заплетать косу. Экипировалась для похода она грамотно, но с головным убором прогадала. Ей стоило взять «флору» размером больше. А еще лучше – сделать короткую стрижку, как та, с которой ходила в зону Крис...

«Стоп, – сказал я себе, – подумай-ка о чем-нибудь другом... Например, о том, как будешь обращаться к майору, по фамилии или по званию в Зоне не годится...»

Настоящие имена и фамилии в Зоне вообще не принято называть вслух, такое уж сталкерское суеверие... Самое большее – сокращенные до первого слога.

– У вас есть какое-нибудь прозвище для Зоны? – спросил я у майора.

– Пока не сподобился... Только позывные.

– Ну, тогда я стану крестным отцом. Уж извините, традиция. Обойдемся без водного ритуала, Иордан поблизости не течет, а к Среднерогатскому озеру лучше бы не соваться...

– Традиции – дело святое, – сказал майор равнодушно.

И я задумался, как его обозвать. Сократить фамилию до Карпа? Не стоит, наверное, давать такое рыбье прозвище, все-таки его бойцы рядом, побережем авторитет командира...

– А как вас зовут? По имени? – спросил я, решив зайти с другого конца.

– Иваном, – ответил майор.

Хорошее русское имя... Но не годится. Ассоциации с Ванькой-взводным, а тут целый майор... А если плясать от инициалов? Иван Карпов, ИК. М-да, опять не то, словно икает кто-то.

А если перевести на забугорный лад? Иван по-ихнему Джон... Вполне подойдет – односложное и короткое прозвище.

Но майор предложенному варианту резко воспротивился. Был у него, дескать, коллега с таким позывным и погиб нехорошей смертью... Нельзя, примета дурная.

Ладно... Тогда так: Иван Карпов – John Carпов... Или у них «карп» пишется через «кей»? Какая разница...

У майора против новой идеи возражений не имелось, я отвинтил пробку с фляги, смочил пальцы и окропил майорскую голову, произнеся нараспев:

– Отныне зваться тебе сталкером Джей-Си, в бою же и при опасности просто Джеем, и да будет так ныне, присно и во веки веков.

– Аминь, – откликнулся майор довольно скептически и глянул по сторонам: не наблюдал ли за ритуалом кто из «каракалов»?

Те в нашу сторону не смотрели, майор поднялся на ноги и скомандовал подъем остальным.

А я понял, что надо бы окрестить и Чеширского, но ломать голову над прозвищем и согласовывать его времени не осталось, и я директивно заявил человеку-троллю:

– Если я крикну «Чех» – это значит, что кричу именно тебе. Усек?

Чеширский молча кивнул.

2

Двигались к Рогатке мы замысловатым зигзагом, по открытому месту, стараясь не приближаться ни к целым зданиям, ни к разрушенным.

Шли быстро, гораздо быстрее, чем я привык ходить в одиночку или в составе небольшой группы... Но тут уж майор взял инициативу на себя: выстроил своих бойцов и примкнувшего к ним Чеширского в построение, называвшееся «гусиным клином», придумано оно не для Зоны, а для зачисток от террористов и прочей враждебной публики. А в старые века подобный строй закованных в железо рыцарей именовали «свиньей».

Во главе клина майор хотел поставить Чеширского, но Ильза воспротивилась. Сообразила – первым идет ближайший кандидат в смертники, живая отмычка к любой новой и неведомой нам ловушке Зоны, а такие, новые и неведомые, появляются здесь регулярно.

Майор не стал спорить, и во главе клина встал один из его киборгов-терминаторов, а Чеширский занял позицию поближе к нанимательнице. Надо заметить, что габаритами он не выделялся среди «космонавтов», хоть и не носил, как они, громоздкое защитное снаряжение. УОК от щедрот майора Чеширскому выдали, а вот тактического комплекта подходящего размера не нашлось.

Двенадцать бойцов, выстроившись перевернутой буквой «V», двинулись вперед. Мы втроем держались в центре клина, там, где при зачистках движется бронемашина, готовая поддерживать огнем.

Не очень-то мне нравилась эта рыцарская «свинья». Ну да ладно... Если Зоне такой порядок движения тоже не понравится, число бойцов у Джей-Си быстро сократится, и можно будет придумать другое построение.

Туман совсем развеялся, мы подходили к Озеру, и Знак был хорошо виден, а здесь, на подходах к Средней Рогатке, всегда ясно, воздух кристально прозрачен, не знаю уж отчего. Да и вообще в районе Озера все законы оптики ведут себя странно...

Когда-то Озеро называлась Среднерогаточным прудом и занимало вдесятеро меньшую площадь. Вокруг зеленел парк, и стояли церкви, числом три – две на берегах, одна на острове.

После Прорыва Среднерогаточный пруд начал расти. Отчего так происходило, не знал никто. Однако он рос и рос, словно раковая опухоль, выбрасывающая метастазы, и дальняя его болотистая оконечность уже подтапливала и «Самсон», и Стеклянное Поле. Если тенденция сохранится, рано или поздно воды бывшего пруда сольются с акваторией Финского залива, образовав его новую губу.

Сейчас ни парка, ни церквей не осталось, раздавшаяся водная гладь на северо-востоке подмывала фундаменты домов (и некоторые уже подмыла, обрушив здания), а на юге уходила вдаль, постепенно превращаясь в болото, теряясь среди зарослей непонятных растений, напоминающих гибрид осоки и рогоза.

Среди сталкеров ходили легенды, что вода в озере прозрачная как хрусталь, а церкви ушли на дно целыми и невредимыми – приглядевшись, можно увидеть на глубине в несколько метров купола и кресты. А еще иногда из-под воды доносится глухой, едва слышный колокольный звон...

Голимая брехня и пьяные выдумки. Я не встречал ни одного заслуживающего доверия человека, вернувшегося с берега Озера и рассказывающего такое. Все слухи доходили через десятые руки.

Более того, я не встречал ни одного заслуживающего доверия человека, вернувшегося с берега Озера и рассказывающего хоть что-то. Собиравшихся пройти к Озеру встречал... А потом переставал встречать.

И сам всегда старался пройти мимо Озера побыстрее, не задерживаясь и к берегу не подходя. Если держишь путь к Рогатке, десятой дорогой Озеро миновать, увы, невозможно – надо или делать многокилометровый обход, или пробиваться с боем через ареал Желто-синих.

И приходится проходить в опасной близости от берега, в самой ближней точке буквально в какой-то сотне метров, вдоль бывшего Московского шоссе. Хотя, конечно, эта трасса теперь мало заслуживала названия шоссе. Отсыпка уцелела, и даже асфальт кое-где виден, но никто по этому асфальту уже не поедит, даже на вездеходе: вздыбленные, обросшие мхом плиты, поднявшиеся торчком неизвестно от каких причин, хотя в Зоне хватало ровных, хоть гонки устраивай, магистралей. Мох на асфальтовых плитах рос странный, неприятного ядовито-оранжевого цвета, но совершенно безобидный. Если, разумеется, не употреблять его внутрь тем или иным способом... Возможно, и это не фатально, я сам найти употребление для мха не пробовал и о чужих попытках никогда не слышал.

Оранжевый мох безобидный для всего и всех на свете, кроме асфальта. Может быть, конечно, я путаю причину и следствие, но везде, где на асфальте разрастается эта флора, с покрытием происходит то же, что и здесь: горизонтальным оно быть перестает.

Однако вдоль шоссе тянулась ровная полоса бывшего газона, относительно ровная, бурьян и мелкий кустарник не в счет. По ней-то мы и шли «свиньей», когда боец, шагавший впереди, во главе клина, остановился, поднял и опустил руку. Причем правую, и я понял: кто бы ни натаскивал «каракалов», натаскали правильно... И у профи в зачистках, и у сталкеров этот жест означает одно: впереди нечто непонятное, но непосредственной угрозы пока нет. При угрозе жест исполняется левой рукой, правая остается на оружии.

Наша «свинья» остановилась. Я бросил взгляд на компас – на самый обычный, магнитный, украшавший правое запястье. Многие считают, что прибор этот в Зоне не нужен, лишний и бесполезный груз: магнитная стрелка болтается на шпильке безвольно и бессмысленно, меняя свое положение только от резкого движения руки: нет здесь, дескать, никаких линий магнитного поля, и магнитных полюсов тоже нет.

Те, кто так считает, ошибаются... Компас и здесь полезен, если знать, как его использовать.

Мой компас сейчас работал. Неправильно работал и странно: стрелка вращалась быстро-быстро, словно страдала манией величия и вообразила себя вентилятором.

Я сделал пару шагов – вращение замедлилось, затем прекратилось, стрелка замерла, покачиваясь. И вновь начала вращаться, все быстрее и быстрее, но теперь в обратную сторону.

В сочетании с близостью Озера признак однозначный. Да вот только я пока ничего не слышал... А «космонавт» услышал. Но не потому, что имел феноменальные уши-локаторы, как у летучей мыши: среди прочей электронной машинерии, встроенной в шлем, имелся направленный микрофон, весьма чувствительный. Я тоже мог бы обзавестись такой штукой, да не видел смысла. Очень скоро вся электроника окажется не при делах, а шлем «каракала» будет исполнять лишь основную свою функцию, ту же, что исполняли шлемы доблестных и не очень рыцарей без страха и упрека, – будет беречь голову владельца, и не более того.

Майор вновь продемонстрировал, что с Зоной он знаком, и неплохо. Не ломал голову, что услышал боец, и у меня не спрашивал. Достал коробочку с ушными тампонами, протянул пару Чеширскому, потом предложил мне, но у меня имелись свои, и я им доверял больше.

Ильзе мы протянули наши упаковки одновременно – ни дать ни взять два галантных кавалера, спешащих услужить даме, пожелавшей закурить.

Она посмотрела на меня, на Джей-Си и улыбнулась в высшей степени кокетливо. Женщина она и в Зоне женщина... Затем, чтобы никого не обидеть, взяла один тампон у меня, другой у майора.

Сам Джей-Си беруши использовать не стал, просто опустил щиток шлема, звукоизоляция там неплохая. Сделал знак рукой, и мы двинулись дальше, несколько сжав построение, сдвинув крылья клина.

Через полсотни шагов *началось*... Тампоны гасили звук, но лишь частично. Или он воздействовал не только на тело, но и на мозг напрямую и был не только и не просто звуком. Ни слов, ни вообще каких-либо модуляций в этом звуке не было: бессловесный жалобный стон. Но в нем имелась эмоция, очень сильная: мольба, призыв о помощи.

Эмоция долбила в мозг: обернись, помоги, протяни руку...

Я увидел, что Ильза повернула голову туда, к Озеру. И сбилась с ноги, и начала забирать влево. Подскочил к ней, развернул, резко и грубо. Но сам как-то невзначай взглянул туда... И увидел руку. Рука поднялась из воды по запястье и тянулась к нам. Ни малейшей ряби, ни малейшего возмущения воды – рука торчала над зеркальной поверхностью.

До руки было сотни полторы метров, не меньше... Я не мог ее разглядеть. Не должен был. Мог лишь видеть – над водой что-то торчит. И тем не менее... Оптические законы здесь идут вразнос, один чудак мне что-то объяснял про воздушные линзы, но я на бегу толком не понял, а потом чудак в Мутной Пади промедлил чуть больше допустимого и ничего уже никому не мог растолковать...

Короче говоря, я видел руку во всех деталях и подробностях, словно она была от меня в нескольких шагах. Мог разглядеть, как по пальцам тянувшейся к нам руки пробежала легкая дрожь и что были они неправильного цвета, серовато-синего, как у давненько находящегося в воде утопленника.

Потом я почувствовал чувствительный удар в плечо, и понял, что ударил меня Джей-Си, и понял другое: я, сам того не замечая, двинулся к Озеру и уже сместился к самому краю клина...

Не сговариваясь и без команды все прибавили шаг. Беззвучный призыв о помощи продолжал терзать мозг. А потом исчез как отрезанный. Не слабел постепенно, просто исчез, и все.

Проскочили...

А вот интересно, если бы мы шли лишь вдвоем с Ильзой и если бы я так же потерял концентрацию, приводя ее в чувство... Остановила бы меня она? Не позволила бы пошагать к Озеру?

На пути к Триггеру, разумеется, остановила бы.

А на обратном?

3

Вот и достигли мы ворот...

Южных ворот мертвого города. Город давно раздался и вытянулся во все стороны и поглотил бывшие предместья, а воротами, главным въездом в него до самого Прорыва так и считалась Средняя Рогатка, она же площадь Победы. Здесь сходились с давних времен два главных тракта: Московский, соединявший две столицы, и Варшавский, связавший Питер с южными и юго-западными губерниями. А в новые времена здесь проезжали все, кто прибывал в два главных аэропорта, в Пулково-1 и Пулково-2.

Теперь никто не прибывает и не проезжает... Лишь наведываются охотники за удачей вроде нас. Зато наведываются регулярно, у сталкеров считается хорошей приметой пройти в начале похода под гигантским знаком вопроса, или попросту Знаком... И выходя из Зоны, пройти рядом ним, оставить запись на Стене Скорби, если есть о чем написать, – это даже не примета, это задел уже на будущие походы, взнос в общую копилку информации...

Когда-то Знак именовался в туристических путеводителях Памятником защитникам Ленинграда, а в просторечии – Долотом или Стамеской, именно эти инструменты напоминала простым ленинградцам высоченная четырехгранная гранитная стела, вонзавшаяся в низкое небо. Ленинградцам же интеллигентным и продвинутым, знакомым с теорией Фрейда, стела напоминала... впрочем, всем известно, что напоминает фрейдистам большинство окружающих их предметов.

Теперь стела никуда не вонзается. Поникла и обвисла.

Не знаю, какая сила скрутила, согнула стелу, да еще так, что та не рассыпалась кучей гранитных блоков, но осталась единым целым. Однако факт налицо – бывшее Долото изогнулось, направило свое острие к земле и удивительно напоминает теперь гигантский вопросительный знак всех времен и народов... Знак есть, вопроса перед ним нет, и подставляй любой, какой душа пожелает... Можно классическое «Быть или не быть?», можно извечное российское: «Кто виноват, что делать и с чего начать?». А можно актуальное и сиюминутное: «И на хрена мы сюда приперлись?» Подставляй что хочешь, ответа все равно не будет...

Знак вопроса напомнил, что не мешает сделать еще одно определение. Сделали. И убедились, что в прошлый раз не ошиблись, что погрешности измерений были ни при чем: пеленг медленно, но уверенно смещался и указывал уже не на Угольную гавань, а несколько севернее...

Цель медленно, но неуклонно двигалась в сторону Центра. В самые гиблые места. Хуже ничего не придумать, хоть голову сломай... Но пока я ломал голову над другим: какую тактику избрать – погоню или перехват? В первом случае стоило выдвигаться, придерживаясь условного направления Ленинского проспекта... Во втором – двигаться по направлению, заданному Краснопутиловской улицей.

Оба пути начинались здесь, у Рогатки, расходясь чуть дальше, у бывшей площади Конституции, под углом примерно сорок градусов, и с принятием решения не стоило затягивать... Беда в том, что путь этот – пока не разделившийся на два – мне решительно не нравился. Шестое чувство, легендарная сталкерская чуйка, называйте как хотите... но я не хотел туда идти.

Пока я занимался пеленгованием и копанием в чуйке, Джей-Си связался со своим начальством. Мы были на самой границе зоны приема, и майору приходилось драть глотку и по два-три раза повторять одно и то же, чтобы его расслышали. В результате услышали доклад и все остальные члены группы, но ничего интересного не прозвучало: дескать, план с таким-то кодовым названием выполняется, потерь нет, началось выдвижение к... (еще одно кодовое назва-

ние), связь вот-вот накроется, так что не волнуйтесь... Обо мне, Ильзе и Чеширском – ни слова.

Вот и гадай, насколько осведомлено начальство майора о том, чем он занимается и чем намерен заняться в Зоне... Увязался он за нами вроде бы экспромтом, да не совсем, у «космонавтов» отчего-то оказалось с собой все потребное для рейда снаряжение – никуда они за ним не заезжали, никого не посылали.

О том, что стало формальной целью нашего совместного похода: об испытании в полевых условиях одного из приборов Ильзы, – никто из нас и не вспоминал.

Рано было вспоминать.

Потому что предназначался прибор – ни много и ни мало – для отключения Триггера.

4

Стена Скорби находилась здесь же, у Знака. На одной из немногих уцелевших вертикальных поверхностей монумента. Так уж повелось – почти все выходящие из Зоны сталкеры оставляют тут записи. О погибших товарищах, о новых и неведомых опасностях Зоны, о местах, внезапно превратившихся из безопасных в смертельно опасные...

Записи делаются мелом и слишком надолго не остаются, смываются дождем и прочими осадками, – Зона меняется стремительно, и незачем занимать место информацией, потерявшей актуальность.

Я поводил взглядом по сторонам, увидел фанерку, заботливо прикрывающую коробочку с мелками. Нашел свободное место и оставил граффити: вывел наверху дату, а снизу приписал: "Мозгожорка" в 0,5 км от ПК, недалеко от С. Поля. Один холодный, имя не знаю. Лорд». Нарисовал сверху православный крестик, так уж принято, если речь зашла о погибшем.

При входе в Зону такие записи приходится оставлять редко... Нынче пришлось.

Лишь затем почитал, что пишут другие... Три записи тоже были помечены сверху крестом, и я их прочел раньше прочих и потянул бандану с головы. Бай, Клещ и Жужа. Про Бая я уже знал, хороший был сталкер, мир его праху. Пил много, так кто ж не пьет на такой работе...

С Клещом я был знаком меньше: помнил, что и тот пил изрядно, помнил, что играл на гитаре и пел, и сталкерско-фольклорные песни, и классические романсы... И вроде когда-то раньше трудился на «Скорой»... А больше ничего и не вспомнить.

С Жужей я не был знаком, даже шапочно, наверное, из новых... Я в последние годы намеренно держался в стороне от сталкерской тусовки.

Майор стоял рядом, тоже внимательно читал граффити, но обращал внимание в основном на полезную для выживания информацию. И пока я справлял короткие мысленные поминки по ушедшим, Джей-Си отыскал кое-что любопытное и показал мне.

Буквы были крупные, печатные, сразу привлекающие внимание. Значит, что-то важное и срочное.

СЛИЗЬ. ВАРШАВСКАЯ, КРАСНОПУТИЛОВСКАЯ. ДО ХРЕНА!!! РЫСЬ.

Слова «До хрена» мало того что были снабжены восклицательными знаками, так еще и дважды подчеркнуты. Видать, и вправду до хрена.

То-то мне не хотелось уходить с Рогатки по Краснопутиловской... Сталкерскую чуйку не обманешь.

Я искоса поглядел на майора: оценил ли он факт, что Слизи в том районе, где пересекаются Варшавская и Краснопутиловская, быть не должно... По крайней мере до сих пор не бывало. Судя по встревоженному виду, оценил.

– Что будем делать? – спросил он.

– Пойдем по Московскому, затем свернем на Ленинский, – ответил я не задумываясь.

Иных вариантов не было. Крюк километра в полтора получится, но опасное место обойдем.

– Не люблю ходить мимо «Ленинца»... – сказал майор с сомнением. – И метро там нехорошее...

– Просочимся самым краем площади. Я и сам «Ленинец» не люблю... Когда уж они там наконец угомонятся...

Джей-Си лишь вздохнул. Мы оба понимали, что, наверное, теперь уже никогда не угомонятся... Пока мир не рассыплется в прах.

Для пути по Московскому проспекту я настоял на новом построении. «Гусиный клин» хорош лишь для относительно открытой местности. А здесь, в плотной застройке, впереди должен идти сталкер. По каким бы методикам ни готовили «каракалов» – а я подозревал, что

это подразделение особое, и подготовка у него соответствующая, – опыт хождения по Зоне ничем не заменишь.

Джей-Си стоял перед небольшим строем из двенадцати человек, объясняя новый порядок продвижения. Говорил вслух, не через рацию шлема, для того, чтобы и Чеширский мог все понять. Общался он с человеком-горой так же, как и с остальными бойцами. Словно не знал и не понимал, что тот в любой момент может предать и выстрелить в спину...

Хотя на самом деле, конечно же, все знал и все понимал.

Глава 6

Серая Слизь и черные люди

1

Мотор негромко работал на холостом ходу, из салона доносилась музыка.

Все как всегда... Как все годы, прошедшие с Прорыва. Здесь, в районе бывшей станции метро «Московская», имелось три достопримечательности, и Вечный Джип одна из них.

Колеса его давно не просто спущены, но и резина превратилась в лохмотья. Краска облезла, кузов пятнают потеки ржавчины... А двигатель все работает и работает, настоящий перпетуум-мобиле, и музыка играет и играет... Однажды, в тот период, когда меня очень интересовали всевозможные темпоральные феномены Зоны, я просидел у Джипа достаточно времени, чтобы понять: музыкальный центр внутри проигрывает по кругу один и тот же сорокапятиминутный альбом «Green Zombie».

Кто слушает альбом, неизвестно, все стекла Джипа, даже переднее, густо затонированы. Может, никто не слушает, может, водитель и пассажиры успели покинуть машину, прежде чем она превратилась в нечто вневременное... Сталкер по прозвищу Гук однажды пытался прояснить этот вопрос, взломав дверцу Джипа, и теперь он больше не сталкер, в Зону не ходит, трудно ходить туда с одной рукой...

Гук теперь кормится по ресторанам, кафе-барам и прочим заведениям общепита, расплачиваясь рассказами о Зоне за еду и выпивку. Рассказы по большей части выдуманы, но народ вокруг Гука так и вьется, особенно усердствуют в деле его кормления, поения и восхваления авторы многочисленных романчиков о героических сталкерах – писатели, приехавшие поднабрать фактического материала в окрестностях Зоны. Этим Гук врет особенно охотно, выдавая особо развесистую клюкву. А вот про то, как именно потерял руку, не рассказывает никому и никогда.

На этом попытки попасть внутрь Джипа силовыми методами прекратились. Но все же очень любопытно, что мы увидим, когда обшивка окончательно прогниет и развалится.

По мере удаления от Озера туман начал сгущаться, но все же до той густой субстанции, что нависла над Стеклянным Полем, ему было далеко... Человеческую фигуру можно было бы разглядеть метров за двести... Или фигуру мутанта, как уж повезет.

Вечный Джип стоял, припаркованный напротив развалин «Макдоналдса», все прочие здания вокруг оставались целыми. Обошли, двинулись дальше, приближаясь к Московской площади. Звуки стрельбы слышались все сильнее, лупили и одиночными, и очередями, временами бухали гранаты. Бой шел в огромном, целый квартал занимающем здании концертна «Ленинец». Разумеется, это было явление того же порядка, что и Вечный Джип, – у любых реально воюющих давно бы закончились боеприпасы. Да и сами бы они закончились.

Но если от Джипа вреда не наблюдалось, то постоянная пальба в «Ленинце» глушила поблизости с ним все посторонние звуки. А это в Зоне порой чревато погаными неожиданностями...

Одна неожиданность нас уже поджидала. Увидели мы ее, едва ступив на Московскую площадь.

Западный фасад площади не так давно состоял из двух огромных домов-близнецов в стиле «сталинский ампи́р» – как раз между нами начинался Ленинский проспект, куда нам предстояло свернуть.

Теперь фасад состоял из одного дома, другой лежал в руинах.

Совсем недавно стоял – громадина, величая даже после смерти и взирающая на мир сотнями выбитых окон, – а теперь не стоит, превратился в огромную груду камня, кирпича, бетона. Никаких слухов о разрушении южного «близнеца» до меня не доносилось. И на Стене Скорби записей о таком событии я не видел... Дом обрушился совсем недавно.

Я остановился. Наша группа, идущая следом, тоже замерла, повинувшись моему жесту.

Майор подошел, спросил неуверенно:

– Желто-синие?

– Не похоже... Это ж сколько их надо...

Желто-синие мутанты, хоть и утратили в своих рудиментарных мутировавших мозгах какую-либо способность организовываться для коллективной созидательной деятельности, тем не менее умели обрушивать здания. Использовали для того свою многочисленность вкупе с такими простейшими физическими явлениями, как резонанс и вибрация.

Дело в том, что могли передвигаться мутанты этого вида исключительно по ровной поверхности, лестница даже в две ступени была для них непреодолимой преградой. Соответственно, поживиться чем-либо им удавалось лишь в немногих покинутых зданиях, оборудованных пандусами и прочими приспособлениями для удобства инвалидов-колясочников.

Этот факт несказанно раздражает Желто-синих, и они собираются толпами, поначалу небольшими, у зданий и начинают скакать, синхронно подпрыгивая на мясистых слизистых подошвах, заменяющих им нижние конечности. Ритмичные сотрясения привлекают все новых мутантов, толпа становится большой, потом огромной, а мутанты все скачут, и скачут, и скачут, и скачут, пока резонанс с вибрацией не делают свое дело и не разрушают строение.

Смысла во всем действе нет ни малейшего, в развалины антропоморфным слизнякам все равно не пробраться... Но думать Желто-синие не умеют, тупо пытаются разрушить все окрестные здания и некоторые разрушают, и руины «Макдоналдса» – их работа.

Но «Макдоналдс» квартировал в здании конца прошлого века, возведенном в те времена, когда было принято экономить на всем: давали взятки городским чиновникам и безбожно нарушали все строительные нормативы.

Стиль же «сталинский ампи́р» – это не просто внушительный монументальный вид, это еще и преизрядный запас прочности, строили при отце народов на века. И никак не по силам Желто-синим слизнякам такие конструкции рушить...

Дом рухнул недавно. Казалось, в воздухе еще витают остатки пыли, поднявшейся при обрушении и смешавшейся с мельчайшими капельками тумана в коктейль, малопригодный для дыхания.

Идти вперед было нельзя. С каждой секундой я ощущал это все острее.

Посмотрел на компас – стрелка болталась безвольно, как мужское хозяйство импотента. Излишней тяжести в теле не ощущалось, значит, гравитационных аномалий поблизости нет...

Я взглянул на останки дома-близнеца, и...

Показалось?

В руинах ощущалось какое-то шевеление, какая-то дрожь пробегала по Монблану обломков... И не похоже, что это вызванные туманом странные оптические эффекты.

Стрельба на «Ленинце» стихла – ненадолго, скоро они там снова начнут свою идущую по кругу войнушку. Но сейчас затихли и выстрелы, и взрывы, и мы слышали звуки, доносящиеся с руин. Негромкий скрежет трущихся друг о друга камней и прочих обломков.

Казалось, что обрушившееся здание погребло под собой какое-то исполинское существо размером с нескольких китов разом, и оно издыхает под непосильной тяжестью, шевелит каменную груду даже не последними своими агонизирующими движениями, но последней предсмертной дрожью...

– Надо идти, – сказал майор.

– Надо, – согласился я.

– Во дворы соваться нельзя, – сказал майор, словно уговаривая сам себя. – Нехорошие тут дворы.

– Нельзя, нехорошие...

И с этим я не мог поспорить, дворы тут те еще.

– Сможем обойти это? – Джей-Си кивнул на развалины.

Я не знал... Опасность была в руинах, но не только. Опасность была повсюду и нигде конкретно. Рассеяна в воздухе, размазана тонким и невидимым слоем по асфальту...

Сталкерская чуйка вещь хорошая, но иногда абсолютно не конкретная.

Майор что-то коротко сказал внутрь шлема, в микрофон, укрепленный у подбородка. Я не расслышал, что именно – на «Ленинце» возобновилось стихшее было пиротехническое шоу, – но рядом с нами образовались два «космонавта». Майор что-то им объяснял, опять-таки через шлем, но помогая себе жестами, и я догадался: высылают охранение, чтобы эта парочка шла впереди, в полусотне метров.

Похоже, майор решил-таки рискнуть. Не тратить время на долгий обход, позволяющий нашей цели сместиться в Центр, где добраться до нее будет в разы труднее.

Логика Джей-Си понятна: незачем беречь пешки в дебюте, для того они и расставлены на доске в таком количестве.

Но что бы ни задумал майор, воплотить задумку в жизнь ему не удалось.

Шагах в трех или четырех от нас был люк: самый обычный, канализационный, отличавшийся от люков обитаемых мест лишь буро-ржавым цветом. Удивительно, как быстро ржавеет чугун, когда его прекращают полировать крыши машин и подметки пешеходов.

Теперь люку надоела спокойная жизнь, никем, даже сборщиками металлов, не тревожимая. Он со скрежетом выломился из гнезда и устремился вверх. Не сам собой – его подпирал высокий, метра три, полупрозрачный цилиндр желе, студенистый и подрагивающий.

Внешним контуром цилиндр точно повторял форму ведущего наверх канализационного колодца – сбоку присутствовали даже выемки от скоб-ступеней.

Люк, прилипший к вершине студенистого столба, слегка клонился набок и выглядел, как лихо заломленный берет спецназовца неведомого подразделения.

Слизь...

Серая Слизь...

Мы замерли – и я, и Джей-Си, и оба «космонавта».

Столб колебался, и амплитуда его колебаний постепенно увеличивалась. Слизь словно выбирала, в какую сторону рухнуть. Рухнув в нашу, она бы прикончила всех четверых.

2

По общему мнению, Слизь абсолютно безмозгла. И даже по видимости не имеет никаких органов чувств. Однако все, кто сталкивался с этой студенистой мерзостью, хорошо знают: на колебания Слизь реагирует. Неведомо чем их воспринимает, но реагирует.

Капля слизи на конечность не смертельна... Вернее, не всегда смертельна. При условии немедленной ампутации. На тело или на голову – каюк без вариантов. Эта штука чертовски быстро превращает в себя любую органику. И живую, и мертвую.

И костюмы «космонавтов» – способные спасти хоть от взорвавшейся в руках гранаты – ничем не помогут, они сработаны из полимерных материалов, за исключением титановых вставок и прочих металлических деталей.

А полимеры Слизь жрет за милую душу, любые, хоть стекловолотно, хоть малосъедобные для бактерий хлорированные и фторированные полимеры... Жрет и изомерами закусывает.

Минеральные составляющие скелета Слизь тоже умудряется оприходовать, хоть и поглощает кости несколько дольше, и от человека обычно остается всякая несъедобная для Серой Слизи мелочь, что он носит с собой: монетки, ключи, металлические пуговицы и детали зажигалок и перочинных ножей, обручальные кольца и нательные крестики... Завидев где-нибудь на асфальте или на очищенной от всей органики земле этакий натюрморт, надо срочно унести ноги... А уж потом можно поставить в церкви свечку за упокой души безымянного раба Божьего.

Майор и «каракалы» замерли, не шевелились. И правильно делали. Чем занимается остальная группа у нас за спиной, я видеть не мог. Но надеялся, что и они не сотворят какую-нибудь глупость.

Мои пальцы медленно тянулись к кассете, укрепленной на груди слева. Там была клавиша, тугая, я сдвинул ее, и в пальцах оказался металлический шарик с лесной орех размером. Самый обычный, без затей, шарик от подшипника, замененного при ремонте «Гарпии». У меня и рогатка с собой имелась для стрельбы такими шариками, но сейчас в ней не было нужды.

Шарик пролетел по дуге и упал позади студенистого столба. Стукнулся об асфальт, подпрыгнул, затем подпрыгнул еще пару раз, все ниже и ниже, и под конец покатился, легонько дребезжа на неровностях и выбоинах асфальта.

И тут же по асфальту шандарахнуло от души, со всей мочи, – ржавый чугунный «берет» рухнул с того, что заменяло его владельцу голову. И сам владелец рухнул – туда, вслед за шариком и люком, и распался на части, расплескался студенистыми ошметками.

Лишь тогда мы развернулись и рванули наутек...

И тут же замерли на месте.

Прости, Рысь, надо было серьезнее отнестись к твоему предупреждению. Раз уж ты написал «ДО ХРЕНА!!!» и дважды подчеркнул – Слизи тут и вправду до хрена... А то и больше.

Пальба на «Ленинце» не дала услышать, что происходит за спиной. А там ничего хорошего не происходило.

Все люки, что тянулись вдоль поребриков, и все, что находились на тротуарах и на проезжей части – короче говоря, вообще все на несколько сотен метров окрест, – оказались выдавлены со своих мест и подняты Серой Слизью.

Словно бы из-под земли выросла бригада элитного спецназа Зоны – Ржавые, мать их, Береты... А теперь бригаде отдали команду «Вспышка справа!».

Столбы проклятого студня падали, но из люков уже лезли новые порции желе – как паста из тюбиков, как струйки фарша из мясорубки...

Расплескавшиеся было в стороны языки тянулись друг к другу, вновь сливаясь в единую массу. Проход вперед был перекрыт.

Да и сзади ловушка схлопывалась очень быстро.

3

– Левее! – орал я. – К елкам!

Елки, честно говоря, мало напоминали елки – нечто с иголками, но перекрученное, чуть не узлом завязанное... Но люков там не было, а это сейчас главное.

И мы бежали, уходя от накатывающей студенистой стены – Слизь прибывала и прибывала и стояла уже в самом деле стеной, высотой метра три, не меньше.

Подрагивающий вал желе напелзал, брал в кольцо. Уже взял, и чтобы прорваться к памятнику и елкам, придется прыгать через Слизь, там ее пока немного, по колено, и язык узкий, метра два с половиной в ширину, и прирастает медленно... Повезло, мало люков в той стороне. Будем прыгать, и не дай бог кому-то поскользнуться или оступиться...

Бабахнул гранатомет УОКа. Стрелял Чеширский – в новый студенистый столб, вставший у нас на пути.

Это он зря... Стрелять в Слизь можно чем угодно – пулями, гранатами, болтами из арбалетов, – полупрозрачная гадость пропустит и пули, и все остальное, и немедленно сомкнется за ними, а арбалетные болты еще и растворит...

Но выстрел Чеширского не пропал даром. Похоже, гранаты в УОКах особые, срабатывающие от легчайшего удара, даже о такую аморфную преграду.

Граната взорвалась, но лучше бы не взрывалась... Потому что разбросанная взрывом в стороны Слизь снова соберется вместе. Но каждая ее капля, полетевшая в сторону, опаснее и осколка, и разрывной пули... Вроде обошлось, никого не зацепила.

– Убью, Чех!!! – рявкнул я, показывая Чеширскому кулак. – Еще раз выстрелишь без команды, пристрелю нахер!

Прыгали в самом узком месте. Первой Ильза – хорошо прыгнула, с запасом почти в метр, экс-благоверная поддерживала все эти годы неплохую форму. Затем «каракалы», повинувшись неслышимым мне командам Джея, прыгали один за одним – в их космическом снаряжении это не самое простое занятие, но ребята тренированные, справились.

Затем – легко, без разбега – язык Слизи перескочил Чеширский, словно и не висел у него за спиной громадный рюкзак с их с Ильзой имуществом.

Я махнул майору – прыгай, дескать. Он сделал знак: мол, сначала ты.

Для политесов не было времени. До наступающей сзади Слизи оставалась минимально безопасная дистанция, метров шесть-семь, но чертов студень имел неприятную особенность: порой замедлял движение, рос вверх, как будто его сдерживала невидимая плотина, а потом резко обрушивался, словно плотину убрали, и мгновенно покрывал мутной колышущейся волной несколько метров. За это эмпирическое знание многие первые сталкеры Питерской Зоны заплатили жизнями.

– *****, прыгай, Джей, ***** в рот!!! – заорал я сорванным голосом.

Он прыгнул, и удачно, хотя преграждавший нам путь язык стал и выше, и на добрый метр шире... Я остался один. Если меня вместе с Пеленгатором сейчас сожрет Слизь – то-то они все обломаются...

А все шансы быть сожранным имелись. Прыгать надо далеко и без разбега, а я понятия не имел, как поведет себя тефлоновый сустав, вставленный в левое колено вместо родного. Не было случая испытать его после операции в экстремальных условиях.

– Прыгай! – истошно крикнула Ильза.

Интересно, она обо мне больше тревожится или о Пеленгаторе? – с этим риторическим вопросом я прыгнул без разбега.

Сустав не подвел, хоть и приземлился я совсем рядом с кромкой Слизи, в считанных сантиметрах.

Небольшой пяточок, где я только что стоял, исчез, над ним сомкнулось колыхающееся желе.

Наступление слизистого фронта на том не остановилось, все новые и новые резервы поступали из выдавленных люков, и мы поспешили к вечно стреляющему «Ленинцу», к Вождю и Зеленому Фонтану. То есть под углом ровно сто восемьдесят градусов к тому направлению, каким собирались двигаться... Удачно начался поход, нечего сказать.

4

Когда-то здесь, на Московской площади, били ввысь струи десятков фонтанов, и каждый час устраивалось водно-музыкальное шоу: под «Гимн великому городу» и другие мелодии струи меняли высоту и напор, буквально-таки танцевали... Особенно красочно выглядело действо вечером, подсвеченное разноцветными прожекторами. Гости города обожали делать здесь селфи...

Прошли годы, и все изменилось. Но, как ни странно, туристы появляются до сих пор. И делают селфи.

Потому что один фонтан, последний, работает по сей день. Насос, гоняющий воду по замкнутому контуру, надо полагать, такой же вечный двигатель, как и тот, что урчит под капотом Джипа.

Вода давно зацвела, переполненная зелеными одноклеточными водорослями, и место называется Зеленым Фонтаном.

Здесь и вправду случаются туристы и делают селфи – Зеленый Фонтан конечный пункт экстрим-туров в Зону, дальше вести дураков, решивших прикупить адреналина, попросту опасно. Теперь, в связи с нашествием Слизи, они и сюда, наверное, не будут доходить.

Мы приблизились к Фонтану. Фонтан был на месте и работал как полагается. На «Ленинце» стреляли. Вождь, давший имя и «Ленинцу», и начинавшемуся от площади проспекту, все так же стоял на высоченном постаменте, ничуть не изменившись за прошедшие после Прорыва годы. Хотя нет, нет... Изменился, причем в лучшую сторону. Птицы над Зоной теперь практически не летали, и без потеков голубиногo дерьма выглядел Ильич гораздо наряднее.

Руку Вождь по-прежнему протягивал на запад, не то грозил буржуинским супостатам, не то издевался над нами: туда, дескать, надо было шагать, недотепы! А вы куда поперлись?

Под протянутой рукой Ильича нас поджидала неприятность. Вернее, неприятность мы притащили с собой, но сами о том не знали.

«Космонавт», идущий сзади, замыкавший строй, завертелся как уж, политый скипидаром.

Сначала никто ничего не понял, потом увидели – сзади на тактическом комплекте «каракала» расплзлась здоровенная неровная дыра. Прочный кевлар испарился, как снежинка на ладони, демонстрируя всем окружающим титановые пластинки-вкладыши.

Но это полбеды... Слизь добралась до плоти и превратила ее в себя – сквозь слой желе белели ребра. Процесс этот абсолютно безболезненный, и «каракал» долго ничего не чувствовал, шагал как все... Пока Слизь не добралась до внутренних органов: когда они прекращают работу, трудно не заметить. Наверное, до него все-таки долетела капелька после дурного выстрела Чеширского, и сейчас в нашем отряде станет одним бойцом меньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.